

Аннотация

Блистательная Франция, XVII век... Юная сирота Арабелла, не ведавшая, что такое богатство и роскошь, получает приглашение на бал. Одурманенная льстивыми речами монарха, невинная девушка не замечает, как оказывается в королевской постели. Но плата за звание фаворитки короля слишком высока... Девушке придется побывать в дурманящем гареме Востока, ради бегства возлечь на ложе ненавистного султана, предстать перед самим Священным судом. И это лишь начало трудного пути, ведущего к истинной любви.

Элайн Нексли

Плененная фаворитка

ПРОЛОГ

Герцог Эдуард де Фрейз томился около спальни, в которой рожала его жена. Все это время он слышал крики и стон любимой. И Эдуарду оставалось только молиться, чтобы Джульетта родила здорового ребенка и сама осталась жива, ибо мужчина знал, что его супруге нельзя было беременеть. Вскоре вышла повитуха. Ее лицо было ужасно грустным, а в глазах поселился страх. Она, низко поклонившись, ослабленным голосом проговорила:

— Господин герцог...

— Моя жена родила?

Лекарка кивнула:

— Да, мсье, родила здоровую девочку, — увы, в ее голосе не было торжества и радости. Но глаза Эдуарда засветились счастьем.

— А...Джульетта? Как моя любимая жена? — спросил герцог.

Старуха, опустив голову, проговорила: — Господин...мадам Джульетту не удалось спасти. Роды были очень сложными. Несчастливая женщина не смогла их пережить и отошла...в мир иной. Мои

соболезнования.

Эдуард отшатнулся. Ему показалось, что адское пламя проникло в самое сердце:

— Нет, ...нет, ...что ты такое говоришь? — герцог метнулся в покои любимой. Но Джульетта лежала навсегда с сомкнутыми веками. Мужчина не смог удерживать слезы. Он, пошатываясь, подошел к покойной жене и взял ее холодную руку.

— Джульетта! Любимая! Не покидай меня! Прошу! — простонал Эдуард. Но внезапно услышал тихий плач новорожденной малышки. Это была маленькая кроха с розовыми щечками и еще сомкнутыми глазками.

— Мсье, — послышался голос вошедшей повитухи: — Перед смертью мадам попросила, чтобы девочку назвали Арабеллой, в честь ее покойной матери.

Герцог взял малышку на руки и вышел с ней в главную галерею дворца. Там стояла молоденькая гувернантка Антония, освещенная лучами закатного солнца. Девушка присела в глубоком реверансе.

— Антония, мне нужно с тобой поговорить.

— Господин герцог, я сочувствую Вашему горю, у Вас умерла жена.... Но ведь она дала жизнь Вашей дочке, пожертвовала своей ради ребенка, — порывисто вздохнула горничная, опустив глаза.

— Именно судьба девочки меня волнует. Моя

жена скончалась, я отправляюсь в дальний военный поход и не знаю, вернусь ли живым. Я не хочу оставлять малышку Арабеллу на попечение старых нянек, ибо в случае моей гибели ребенка отдадут в приют. Поэтому, Антония, пожалуйста, возьми девочку себе. Господь Бог не дал тебе своих детей, пусть же этот ангелочек станет усладой твоей жизни. Удочери Арабеллу. Но я хочу, чтобы она знала, кто ее родил и чья она на самом деле дочь, — попросил Эдуард де Фрейз.

Антония шокировано посмотрела на своего господина:

— Но я.... Как можно?..

— Не возражай, прошу тебя. Ребенку нужна любящая и нежная мать, — умоляюще произнес мужчина.

— Я...я не знаю.... Ах.... Хорошо, — женщина взяла свою новую дочь на руки и медленно отправилась в детскую комнату.

Эдуард с сожалением смотрела вслед уходящей Антонии, и ему казалось, что он видит свою дочь в последний раз.

ЧАСТЬ I

«Неопытная роза»

ГЛАВА 1

Спустя шестнадцать лет.... Франция, Берне.

Юная Арабелла гуляла в саду, собирая лечебные травы. Она была умна и покорна, а красота представляла собой еще не раскрывшийся, нежный бутончик драгоценного цветка. Девушка росла с бедной служанкой Антонией, но она знала, что родилась в семье славного и богатого герцога.

Предчувствие беды не оставляло ее отца — Эдуарда. Он со странным содроганием боялся идти в военный поход. И опасения мужчины подтвердились. Мсье де Фрейз не вернулся обратно. На лагерь напали вражеские войска, но герцог сражался до последнего и умер, как истинный герой своей страны. Увы, Антония не могла похвастаться силой духа и едва не распрощалась с жизнью, узнав о трагической гибели хозяина. Теперь ей предстояло воспитывать Арабеллу, не имея никакой помощи и поддержки.

Они жили на окраине города, в неплохом особняке, но денег постоянно не хватало. Герцог покинул этот мир неожиданно и не оставил своей дочери даже малую часть наследства. Все

имущество перешло к старшему сыну, который был рожден от первой жены герцога Эдуарда. Но, не смотря на нищету, Арабелла оставалась считаться уважаемой аристократкой, ибо она родилась богатой госпожой. И только по этой причине ее приняли в благородный пансион на короткое обучение. Арабелла получила хорошее образование, но «выйти в высший свет» не смогла. Бедная аристократка на протяжении шестнадцати лет своей жизни оставалась на «дне общества». И ее приемная мать волновалась о будущем своей воспитанницы. Пожилая женщина часто говорила дочери: *«Арабелла, дорогая моя, пока я жива, выйди замуж за какого-то богатого джентльмена. Это единственная возможность обрести уважаемое положение»*, — но девушка отказывалась.

На вилле все считали ее провинциальной дамой и говорили, что никто не пойдет свататься за бедную простолюдинку. Конечно, Арабелла понимала, что девушки просто завидуют ее грациозности и неземной красоте. В поселке у француженки в одной были золотистые кудри, которые плелись по спине, подобно изящным змеям, а голубые глаза напоминали драгоценные сапфиры. Арабелла одевалась просто. Ее наряды были пошиты из грубой сутаны, а украшения являлись запретом. Даже простое рубиновое кольцо

являлось роскошью для простолюдинки.

Однажды Антония совсем слегла. У нее начался жар, тошнота и постоянные головокружения. Арабелла ни на минуту не отходила от приемной матери. Она готовила еду, убирала дом и следила за порядком в маленькой усадьбе. С самого рождения молодой женщине твердили, что красота любой девушки — это ее трудолюбие, умение создать домашний уют и не позволить потухнуть пылающему очагу.

Ранним утром, когда едва взошло солнце, кто-то постучал в калитку. На пороге стоял рассыльной, держа в руке какой-то лист с королевской, огромной печатью.

— Вы мадемуазель де Фрейз? — спросил хрупкий юноша лет четырнадцати.

— Да, — кивнула удивленная Арабелла: — Что Вам нужно в такую рань?

— Его величество юный король Людовик XIII¹ передал Вам это письмо.

Это открытие шокировало девушку. Она еще никогда не получала от короля никаких посланий.

---

¹ Людовик XIII Справедливый (27 сентября 1601 г., Фонтенбло, Франция — 14 мая 1643 г., Сен-Жермен-ан-Ле, Франция) — король Франции и Наварры с 14 мая 1610 года из династии Бурбонов.

Да и что нужно великому монарху от провинциалки Арабеллы?

Взяв письмо, девушка вернулась в комнату, где лежала Антония.

— От кого письмо? — равнодушно протянула пожилая дама.

— От... короля Людовика, — растеряно ответила дочь покойного герцога.

Старуха лишь простодушно усмехнулась: — И, что хочет повелитель?

Арабелла, дочитав письмо, тихо прошептала: — Он приглашает меня в свой дворец, на бал.

— Отлично, — ответила Антония, приподнимаясь на локте: — Не всем выпадает такая честь. Умей пользоваться избранной возможностью и извлекать из нее выгоду, девочка моя.

— Мама, поймите, я не хочу туда ехать. Я всего лишь бедная провинциалка. Что мне делать на балу, где соберутся августейшие аристократы? — вздохнула француженка.

Мать приказала ей сесть рядом: — Арабелла, — серьезно начала она: — Не забывай, что ты родилась в семье герцога, являющегося важной особой при дворе его величества короля. И не смей называть себя простолюдинкой, даже думать о таком я тебе запрещаю. А на бал ты поедешь.

— Но мне даже нечего надеть, — печально

пожала плечами юная мадемуазель.

— Возьми платье у госпожи Бондург. Она ежедневно посещает богатые места и имеет сотни разных нарядов.

В жаркий полдень Арабелла поехала в поместье дамы Бондург. Девушка взяла у нее скромное платье, пошитое из грубого атласа и золотые серьги в виде продолговатых капель. Французенка отнюдь не испытывала радости, отправляясь во дворец короля. Возможно, остроумные интриганки станут смеяться из-за скромности Арабеллы.

На следующий вечер дочь герцога, сев в дорожную берлину, дала приказ кучеру — ехать во дворец его величества короля Франции.

ГЛАВА 2

Двор Людовика XIII находился в самом центре Парижа. Это было огромное, мраморное поместье, со всех сторон окруженное парками. Возле ворот толпились десятки людей. Тихо играл придворный оркестр, состоящий из лучших музыкантов Франции.

Мажордом, поклонившись, отвел Арабеллу в тронную залу, где приветствовал своих гостей король.

Девушка увидела, стоявшие в ряд, пары. Мужчины оделись в сверкающие мундиры и, обшитые золотыми лентами, панталоны, заправленные в высокие сапоги. Их одежду нельзя было назвать простой, но она почти не привлекала всеобщего внимания, так как женщины выглядели вызывающе: дорогие, шелковые платья с глубокими декольте и обнаженными спинами смотрелись далеко не чопорно. В отличие от дам, Арабелла была одета в полностью закрытое платье, чьим украшением являлся только чеканный пояс, облегаящий тонкую талию. Молодая женщина незаметно смешалась в толпе.

Глашатай, стукнув три раза в барабан, торжественно провозгласил: — Его величество король!

Все склонились в глубоких реверансах и низких поклонах. В зал величественно вошел сам Людовик. Его покорно сопровождали несколько пажей из благородных, иностранных семей. Монарх никогда не смотрел, в стоявшую вдоль стены, толпу, но на этот раз он окинул внимательным взором Арабеллу, хотя она едва виднелась из последнего ряда. Опустившись на позолоченный трон, Людовик громко проговорил: — Дорогие гости! Я с величайшей радостью приветствую вас в своем устаревшем дворце! Я с радостью сообщаю, что бал состоится в честь возведения нового

поместья в центре Парижа! Волей Бога, Создателя нашего, я разрешаю начинать торжество!

Все пары закружились в вальсе, но только Арабелла стояла в стороне и равнодушно наблюдала за происходящим. Она не любила танцевать, да и кто пригласит «серую мышку» на столь утонченный танец? Девушка решила пойти в дворцовую галерею. Там на стенах висели сотни картин, изображающие членов династии Бурбонов. Но молодая женщина обратила внимание на портрет Генриетты Марии Французской, младшей сестры короля. Художник точно изобразил ее элегантную красоту и хрупкость.

Залюбовавшись портретами, молодая женщина не заметила, как к ней подошел Луи. Вздрогнув от его прикосновения, Арабелла поспешно сделала реверанс, изгибаясь в приседании и слегка приподнимая полы платья.

— Ваше Величество, — робко произнесла девушка: — Простите, я не заметила Вас.

— Ничего страшного, — король поднес к ее лицу канделябр: — Ваша красота затмила мне разум, дорогая мадемуазель. Я никогда не видел таких огненных волос. Кажется, что жаркое пламя растопило золото и украсило им эти шикарные локоны. А Вашим глазам нет равных. В них поселился восторг и игривость. Будь моя воля, я бы заключил себя в Ваш сладкий плен.

Покраснев до корней волос, девушка застенчиво опустила глаза.

— Простите, я не хотел Вас смутить. Мне доводилось редко встречаться с Вами, но в те драгоценные минуты, будучи мальчишкой, я любовался Вами, но молчал. А сейчас я стал рабом любви. Помилуйте несчастного влюбленного, павшего от стрел Ваших незабываемых очей, — король хотел коснуться губ Арабеллы, но внезапно отошел от нее и с повелительным видом сказал: — Следуйте за мной, — молодая женщина, потупив взор, пошла вслед за королем. Он завел гостью в свой роскошный, огромный кабинет. Опустившись в кресло, король жестом приказал Арабелле присесть рядом.

— Мадемуазель, — начал он: — Я бы хотел узнать, где Вы живете и кто Вас вырастил. Ведь мне известно, что Ваша мать умерла еще при родах, а отец погиб на войне. Кому же посчастливилось удочерить Вас?

Девушка опустила, покрасневшие от внезапных слез, глаза. Она вспомнила свою мать, которая пожертвовала жизнью ради нее, и сердце Арабеллы сжалось от боли. Она никогда не ходила на кладбище к своим родителям, никогда не вспоминала о них, своей матерью считала Антонию, хотя на свет девушку произвела Джульетта.

Утерев непрошеные слезы, Арабелла проговорила: — Меня воспитала служанка Антония, — девушка не могла сказать: *«Моей матерью стала благородная женщина»*. Это бы стало оскорблением для покойной Джульетты. Но Людовик не стал прислушиваться к словам своей гостии. Его поразила сама мысль, что дочь герцога жила под опекой обычной горничной, чьим делом являлось ведение домашнего хозяйства и незаметное существование в доме господ.

— Что?! Вас, благородную леди, воспитывала жалкая девчонка с грязных улиц?! — взревел разгневанный и шокированный Луи: — И Вы, миледи, без стыда об этом говорите? Такими словами Вы оскверняете память о своих покойных родителях! — внезапно прилив гнева наполнил сердце Арабеллы де Фрейз. Девушка с криком вскочила:

— Я не оскверняла память о родителях! И не смейте Антонию называть девчонкой с грязных улиц! Да, я согласна, что она бедна и никакого титула не может мне дать, но она женщина, благодаря, которой я живу на этом свете. Матушка много лет назад поступила очень рискованно, удочерив меня. Вас еще тогда не было на этом свете.... Поэтому не судите ее.... Если бы об ее поступке узнало правосудие, ее бы казнили, а меня отдали в приют. Ведь закон запрещал и запрещает

брать простолюдинке под свою опеку девочку из богатой семьи. Но Антония это сделала!

Король, усмехнувшись, допил алое вино, налитое в хрустальном бокале, и с нахмуренным видом сказал: — Понимаете, мадемуазель, Вы еще слишком юны и о многом не ведаете. Да, я не старше Вас, но благодаря титулу короля мне известно очень много о прошлом Вашей...матери. На ней все еще держится клеймо греха, который перевернул жизнь женщины с ног на голову. В юности все глупы, но не до такой степени.

Арабелла ничего не могла понять. Какой грех могла совершить эта непорочная женщина?

— Расскажите мне о ее провинности перед Всевышним. Пожалуйста, — смиренно попросила девушка.

— Нет, эта долгая история и юной леди ее знать не нужно.

— Не забывайте, сир, что Антония стала моей матерью, и я вправе знать все о ней.

Не удержавшись перед блеском голубых глаз, Людовик XIII сокрушенно вздохнул: — Ну, хорошо, Вы сами напросились. Теперь слушайте, — с паузой молодой человек начал свой рассказ: — Ваша приемная мать была обычной девушкой из бедной семьи. У нее имелось все для полноценного счастья: любящие, но строгие родители, младшая сестра и брат. Но в пятнадцать лет мать решила

выдать свою дочь замуж на богатого барона. Конечно, такой возраст еще неподходящий для брачной жизни, но Антония росла в постоянном послушании, не зная слова «нет». Разумеется, она не хотела этого замужества, но, опасаясь гнева родителей, согласилась. Состоялась скромненькая помолвка и Антонию ожидала скорая свадьба. Но однажды около реки она встретила сына кузнеца. Это был высокий, красивый юноша. Его тоже привлекла молоденькая крестьянка. Так Ваша мать стала тайно встречаться с тем парнем. Они подолгу сидели на берегу реки, разговаривали, смеялись, купались в прохладной воде, ласкающей тело. Но внезапно их дружба превратилась в пылающую страстью любовь. Антония уходила из дома поздно вечером, а возвращалась на рассвете. Родители либо крепко спали после тяжелых, рабочих дней, либо уезжали по делам.

Конечно, любовь — это прекрасно, но женщина узнала, что носит под сердцем дитя. Вновь ночью Антония пошла на встречу с любимым, но ее выследила давняя подруга. Предательница рассказала все господину Килету и госпоже Зинефер. Отец девушки пришел в бешенство от такой новости. И с условием сказал Антонии: *«Решай, неверная, либо ты избавишься от ребенка и выйдешь замуж за барона, либо я убью тебя собственными руками, как отступницу*

от родительского решения и женщину, опозорившую свой род и растоптавшую часть семьи. Так что ты выбираешь? Но знай, твой ублюдок никогда не появиться на этот свет, ибо смерть постигнет тебя раньше». Родители Вашей приемной матери, мадемуазель, были родом из Ирака, и воспитывали свою дочь в рамках мусульманских законов. Антония стала христианкой только из-за желания ее бабушки, проживающей во Франции и служившей фрейлине моей матери. Женщина приказала своему сыну переехать в Париж и крестить Антонию согласно всем заповедям Библии. Килет, уважающий свою мать, согласился, но после ее смерти возненавидел эту страну и свою собственную семью: Зинефер, Антонию и еще двух детей.

Настало время Антонии принимать решение. Она хотела, чтобы дитя, растущее в ее чреве, родилось живым и здоровым, но жестокие обычаи и нравы страны запрещали сохранить хрупкую жизнь.

— Как ты будешь смотреть людям в глаза, если родишь этого ребенка? — шептались жительницы деревни: — Что тебе даст этот малыш? А? Это дитя сына кузнеца. Он его отец. И этот позор известен всем обитателям окрестности. Смой с себя и со своей семьи это пятно.

Антония согласилась избавиться от ребенка,

опасаясь гнева родителей. Но при аборте что-то нарушилось, и повитуха сказала Вашей матери, что она больше никогда не сможет иметь детей. Скорбь не давала Антонии покоя. Но незадолго до свадьбы, барон узнал, что его невеста забеременела от бедного мальчишки и опозорила семью. Мужчина отказался жениться на девушке, родители же выгнали ее из дома. Ваша мать долго скиталась в горах, жила у бедных людей, питалась одним сухим хлебом, пшеничной кашей и водой. Вскоре на город напали татары и забрали Антонию в плен. На невольничьем рынке ее купил работорговец и отдал в качестве подарка Вашему отцу — герцогу Эдуарду де Фрейз. Антония служила в его доме несколько лет, а после смерти мадам Джульетты, герцог отдал Вас ей. Это была настоящая милость судьбы. Но Антония — недостойная счастья женщина. Я давно знал, что она удочерила Вас, и поэтому поинтересовался, как Вы к ней относитесь. К сожалению, Вы ничего не знали о прошлом своей приемной матери....

ГЛАВА 3

Арабелла сидела в глубоком оцепенении. Она не могла поверить услышанному! Как Антония посмела избавиться от ребенка, которого носила

под сердцем?! Эти жгучие, как огонь, слова не доходили до сознания Арабеллы. Разумеется, правда была слишком горькой, чтобы принять ее.

— Вы лжете! — лихорадочно воскликнула девушка.

Луи, подскочив с кресла, подошел к Арабелле: — Успокойтесь, пожалуйста, — мужчина попытался взять француженку за руку, но дочь герцога решительно отошла в сторону:

— Нет,... Вы лжете! Моя мать не могла так поступить!

— Запомните, Арабелла, Вашей матерью является Джульетта, — Людовик нежно провел рукой по ее щеке: — Я понимаю Вашу боль. Но Вы не должны закрывать свои прекрасные глаза на правду, — монарх отошел от девушки и проговорил: — Покиньте тот дом, покиньте Берне. Я хочу, чтобы Вы стали придворной дамой, жили во дворце. Я прошу Вас, сделайте это ради меня, ради моего уважения к Вам.

Его голос звучал ни как приказ короля, а как человеческая просьба. Такое предложение шокировало молодую женщину, но, конечно, она была вынуждена отказать: — Нет, я не могу, мой дом не здесь. Простите, Ваше Величество....

— Арабелла, умоляю, согласитесь.

— Об этом не может быть и речи, сир. Я выросла по другим традициям и законам. Все

шестнадцать лет своей жизни я не видела ничего, кроме своей деревни. Я не умею танцевать на балах, флиртовать с кавалерами, с достоинством носить драгоценные украшения, надевать дорогие платья, обшитые золотом и серебром, не умею накладывать косметику на лицо, иметь служанок. Я не смогу научиться жить в этой роскошной, королевской резиденции. Моя жизнь там, в Берне, вместе с приемной матерью, — тяжело вздохнула француженка.

Король посмотрел на нее с нежностью и робостью: *«О, Всевышний, в этом трогательном создании скрывается решительный нрав, здравый разум и неудержимая сила воли. Она подобна ангелу, невинному существу с небесными глазами, шелковистыми волосами и с робкой улыбкой. О, Господи, не лишай меня этого милого виденья. Пусть даже перестанет биться мое сердце, но мой взгляд, устремленный на Арабеллу, никогда не потухнет»*, — подумал правитель Франции.

— Арабелла, — аккуратно произнес он: — Вы, словно лучи солнца, осветили мое сердце. Ваш свет также осветит этот дворец, а тепло согреет ледяные стены. Ради всех святых, останьтесь, согласитесь стать придворной дамой.

Очаровательная красавица больше не могла противиться приказу сына Марии Медичи и Генриха IV. Волей-неволей Арабелла согласилась.

Служанка отвела мадемуазель де Фрейз в просторную комнату на втором этаже. Это были роскошные, уютные покои, вмещавшие в себя большую кровать, застеленную белоснежными простынями и укрытую от посторонних глаз шелковым, воздушным балдахином и несколько предметов мебели. Возле окна находился камин времен Средневековья, расписанный изысканными рисунками. На маленьком столике из красного дерева покоилось блюдо с сочными, экзотическими фруктами. Стены сделаны из чистого мрамора, потолок — из гипса.... Арабелла мечтательно вздохнула. Если бы она не потеряла родителей, все было бы по-другому....

Внезапно девушка обратила внимание на огромный сундук с золотыми пряжками:

— Что в нем? — заинтригованно спросила француженка у хрупкой, сероглазой горничной Джесси.

Служанка, потупив взор, ответила: — Книги короля Генриха IV. После гибели мужа Мария Медичи приказала собрать все его самые ценные вещи в этот сундук. Такими оказались книги, еще помнившие на своих страницах чуткие прикосновения его величества.... Много лет Людовик XIII не позволял никому прикасаться к сундуку, но сегодня своим приказом он отдал его Вам, мадемуазель, — дочь герцога ничего не

сказала, но в глубине души она чувствовала удивление, и к тому же страх.

На закате, плотно поужинав, девушка собралась спать. Джесси зажгла ночную лампаду и вежливо спросила: — Мадемуазель, могу ли я помочь Вам раздеться?

— Нет, спасибо. Я сама. Ты уже иди, день был трудным, хорошенько отдохни, — отказалась Арабелла, снимая с волос золотые шпильки. Юная камеристка, пожелав спокойной ночи, тихо удалилась в свою крохотную комнатку.

Под утро Арабеллу стошнило. В комнате «стояла» невыносимая жара. Девушка распахнула окно. Свежий воздух волной покотился по помещению. Придворная леди хотела поменять постель, но внезапно увидела букет белых роз, стоявших в золотой вазе на столе. Но Арабелла не стала придавать этому значения. Она подумала, что вчера из-за усталости просто не заметила цветы.

Ранним утром в покои француженки пришла служанка Джесси. Юная камеристка выглядела уставшей и измученной. Всегда горевшие блеском глаза потухли, как звезды на рассвете: — Доброе утро, госпожа.

— Доброе.... Что с тобой? Ты такая бледная.

— Ничего, миледи. Все хорошо. Вам понравился букет белых роз, подаренный сегодня на рассвете нашим монархом?

Арабелла от неожиданности выронила золотой гребень. Молодая женщина и подумать не могла, что цветы от Людовика. Выходит, Джесси ревнует ее к Луи. Еще бы, ведь государь — первый красавец Франции и самый завидный жених. Но, несмотря на это, Арабелла внезапно почувствовала ущемление своей гордости и чести.

— Это король подарил? — голос девушки дрогнул, когда она увидела утвердительный взгляд служанки.

Быстро встав с кресла, Арабелла мигом помчалась в покои короля. На пороге разгневанную леди остановили два высоких стражника: — Стойте, мадемуазель, его величество король опочивает. Придите, пожалуйста, в полдень, тогда монарх примет Вас.

— Нет, мне необходимо немедленно с ним поговорить! Я не собираюсь ждать, пока король соизволит устроить мне аудиенцию! Пропустите, иначе головы полетят с плеч! — воскликнула дочь многоуважаемого герцога.

— Миледи, постойте! Вы не можете... — охранники хотела остановить Арабеллу, но она смогла проскользнуть в опочивальню.

Ворвавшись, молодая женщина увидела короля. Он стоял в одном ночном халате, с конусообразным колпаком на голове и в домашних тапочках. Выражения лица монарха было далеко не

приветливым. Серые глаза сузились, как огненные стрелы, летевшие в далекую, туманную даль. Наблюдая за повелителем, казалось, что он вот-вот обнажит свой острый меч, чье лезвие сверкало на солнце, как ясные лучи освещают весеннюю листву, и уничтожит любого, кто станет на его величественном пути.

Нахмурившись, король проговорил своими тонкими губами: — Арабелла! Что Вы себе позволяете?! Кто Вас сюда пустил без моего разрешения?!

— Это Вы что себе позволяете?! — осмелилась вскрикнуть девушка.

— А в чем дело, дорогая леди? — гнев Людовика сменился на какую-то слащавую, притворную мягкость.

Арабелла бросила на резной столик букет роз, судорожно сжимавшихся в ее холодной руке: — Что это?

Луи подошел к молодой женщине, и, взяв ее за руку, нежно пролепетал: — Вам не понравились подаренные розы?

Арабелла де Фрейз оторвала один хрупкий, белоснежный лепесток и приложила его к левой груди: — Проблема не в этом, сир. Просто... все во дворце перешептываются за моей спиной. Одни считают, что я приехала сюда, чтобы вырваться из провинциальной жизни и изменить судьбу

нищенки. Другие — чтобы стать королевой трона и Вашего сердца. Но я такое терпеть не собираюсь! Меня уже называют Вашей фавориткой! Поговаривают, что я, якобы, бросила приемную мать на произвол судьбы и разделяю с Вами любовную постель! Но это ложь! Я не...

Молодая женщина не успела договорить. Ее губы соединились в долгом, сладком поцелуе с королем Франции. Девушке казалось, что весь мир постелился у их ног. Сладостное наваждение сводило с ума, словно, поднимало до небес, а потом с размаху бросало в освещающие воды. Арабелла закрыла свои прекрасные глаза. Губы дрожали. Кожа пылала. Тело оцепенело. Но буквально через несколько мгновений девушка пришла в себя. Ее сердце, совсем недавно вспыхивающее от любви и страсти, стало похожим на бесчувственный камень, заледеневший от адского холода. Француженка хотела вырваться, но руки Луи с силой сжали ее. Не выдержав такого откровенного позора, молодая женщина выскользнула из нежеланных объятий короля и окрасила его щеку своей пощечиной. Не удержавшись, Людовик упал на табурет. Испугавшись, Арабелла мигом выбежала из его покоев. К счастью, стражники не стояли на своем посту.

ГЛАВА 4

Наступила ночь. Дождь продолжал шуметь. Темные тучи поглотили все небо. Опавшая листва кружилась, подобно вихрю. Бешеный ветер сметал все на своем пути.

Арабелла де Фрейз сидела в кресле напротив камина. Целый день девушка не выходила из своей комнаты, опасаясь встречи с королем Франции. Красавица хорошо знала законы: если кто-то причинит вред самому монарху, его ожидает смертная казнь.

Задремав, придворная дама не заметила, как в ее покои кто-то проник, сжимая холодными пальцами небольшой канделябр. Неизвестная рука коснулась плеча спящей Арабеллы. Молодая женщина от неожиданности резко открыла свои удивительные глаза. Перед ней стоял...Людовик XIII!

— Вы?! — воскликнула девушка и лихорадочно натянула на себя шерстяную тканью. Она была в одной ночной сорочке, и, разумеется, Луи не мог не увидеть изумительного, стройного тела, едва прикрытого под шелком рубашки.

Король хищно приблизился к напуганной Арабелле. Молодая женщина не могла пошевелиться, ибо страх и стыд сковали все внутри. Но монарх привык брать все, что пожелает.

Конечно, юная девушка была для него лишь игрушкой, забавой на одну ночь.

Людовик вновь насильно поцеловал Арабеллу. Но на этот раз поцелуй не был таким нежным, лиричным и трогательным, как утром. Наоборот, сейчас эти прикосновения казались раскаленной сталью, обжигающим огнем, пламенем, исходящим из глубин земли. Мужчина обхватил руками талию молодой женщины, и, прильнув губами к ее устам, прошептал: — Любимая, несравненная красавица...

Арабелла не понимала, что происходит. Эта близость сводила ее с ума, лишала дара речи, окутывала и подчиняла своей несокрушимой силе.

— Отпустите меня, — простонала девушка и обмякла в сильных руках нежного насильника.

Но король, казалось, даже не слышит свою «жертву». Крепко прижав девушку к своему телу, монарх потащил ее к ложу, где страстно впился губами в подрагивающую плоть.

* * *

Убедившись, что Луи спит, Арабелла тихо встала с кровати, и, накинув на озябшие плечи халат, подошла к окну. По щекам француженки текли жгучие слезы, сердце разрывалось от нестерпимой боли. Несчастливая девушка не хотела

становиться женщиной Людовика, не хотела лишиться невинности в его грубых объятиях. Король завладел ею насильно, пренебрегая желанием бунтующего тела. В глубине души Арабелла чувствовала какое-то странное удовлетворение, но, вспоминая ласкающие прикосновения и игривые поцелуи, вновь погружалась в разбитую рутину своего пылающего сердца.

Дочь герцога де Фрейз отлично знала порядки во французском дворе: любая женщина, однажды разделившая ложе с государем, становится его фавориткой-любовницей, и она обязана жить в королевских владениях, каждую ночь по желанию монарха являться в его покои, дарить незабываемое наслаждение, отдавать свое тело нелюбимому ради богатства и титула. Мария Медичи всегда говорила: *«Законы государства — наш хлеб и вода. Мы живем и правим только благодаря древним традициям. Никто не может противиться им»*. К сожалению, Арабелла стала заложницей этих порядков.

Задумавшись, молодая женщина не заметила, как проснулся монарх:

— Арабелла, — слышалось у нее за спиной. Девушка заставила себя повернуться. Людовик XIII молча смотрел на свою возлюбленную. Его взгляд, всегда такой властный и строгий, показался

Арабелле удивительно нежным и сочувственным.

— Сир, — с паузой начала француженка: — Я сожалею о том, что случилось. Но...я хочу, дабы Вы об этом забыли. Я ни за что не стану Вашей любовницей. Ваши объятия превратились для меня в стальные оковы. Отпустите меня к приемной матери, домой, иначе я буду вынуждена сбежать. Такого позора я терпеть не собираюсь. Я не продажная женщина и мне очень жаль, что сам правитель Франции оказался грубым насильником. Я давно поклялась, что отдам свою девственность тому, кого буду любить всем телом, сердцем и душой. Увы, Вы овладели мной первым....

— Арабелла, неужели ты меня совсем не любишь? Как ты могла подумать, что я брошу тебя на произвол судьбы сразу после нашей первой ночи? Нет, любимая, это далеко не так!.. Да, ты не первая моя женщина, но последняя. И я...

— Нет, сир, — перебила короля девушка: — Я не Ваша и никогда ею не стану. Прощайте, — с этими словами француженка подошла к двери, прижимая к груди свое разорванное платье.

— Если ты сейчас уйдешь, то сильно пожалеешь. За невыполнение приказа я сурово караю, — доброта исчезла из голоса Людовика. Он уже не просил, а требовал. Внезапно Арабелла поняла, что королю свойственно меняться. Иногда Луи может быть нежным, страстным и любящим, а

иногда — жестоким тираном, отдающим приказы казнить даже тех, кого любит.

— Ваше Величество, если желаете, убейте меня прямо здесь и сейчас. Что бы Вы ни говорили, я больше ни минуты не останусь в этом дворце.

Собрав вещи, «фаворитка» приказала приготовить карету: — Миледи, что случилось? Куда Вы уезжаете? — растерянно поинтересовалась взволнованная Джесси.

— Это не имеет значения. Я твердо решила покинуть это место.

— Но почему? Вы только позавчера приняли положение придворной дамы. Все ведь было прекрасно. Что изменилось за эту ночь? — горничная говорила уверенным тоном, и Арабелле показалось, что все ее тайны обнажились перед этой белокурой девушкой с серыми, задумчивыми глазами: — Ваша тревога связана с королем? Я права?

— Да.... Джесси, меня мучают сомнения. Моя боль подобно огненной стреле, что вонзилась в самое сердце.

— Я знаю причину Ваших сомнений, — боязливо призналась камеристка, дрожащей рукой убрав выбившийся локон.

— Как ты можешь знать? — простодушно усмехнулась Арабелла.

— Его величество разгласил эту новость по

всей резиденции, а простыню с...Вашей кровью повесил перед входом в помещение фавориток. Так всегда делали монархи, желая показать, что в их постели появилась другая, — увидев блеклый, лихорадочный взгляд собеседницы, Джесси виновато покачала головой: — Простите, я не хотела Вас обидеть. Когда я узнала, что Вы уезжаете, я даже не могла предположить причину этого действия. Я думала, что Вы хотели этой близости и сейчас вся светитесь от счастья. Так бы поступила любая женщина. Но не Вы...

Ничего не сказав, Арабелла буквально вылетела из вестибюля. Это открытие стало последней каплей терпения мадемуазель де Фрейз. Арабелла с юным лакеем вышла во двор, пытаясь не поднимать глаза на королевскую террасу. Сев в карету, молодая женщина дала волю слезам. Она последний раз оглянулась на дворец, ставший для нее всем: радостью, грустью, счастьем, гневом, стремительным взлетом и низким падением. В этом здании Арабелла познала чувства подлинной страсти, чувства, что обожгли ее сердце, подобно огню.

Экипаж проезжал мимо зеленой листвы, сияющей на ярком солнце, как закат в сумерках. Живописные берега поражали своей естественностью, свежестью, казалось, они словно живые. Арабелла благоговейно взглянула на

серебристую поверхность реки. В жаркие полдни эти воды всегда казались чисто-алмазными с золотистым оттенком, но зима покрывала реку бесцветной, серой коркой, державшейся до середины апреля.

Но девушку не радовала красота пейзажа. На душе у нее было тяжело, будто камень навис над несчастной красавицей. Казалось, что путь в Берне длится бесконечно. Несколько часов Арабелла дремала, но от сильной встряски ее начало тошнить.

— Мы скоро приедем? Небо уже окрасил закат. Можно поторопиться? — засыпала кучера вопросами девушка, выглядывая в оконце кареты.

— Не волнуйтесь, миледи, мы подъезжаем к городу, — через несколько минут показались массивные ворота Берне. Жандармы начали закрывать створки, недовольно останавливая крестьянские повозки и приказывая им возвращаться. После семи часов вечера в город никого не пускали, люди ночевали прямо на улице, ибо кучера дорожных берлин возвращались обратно на свои посты, оставляя пассажиров под открытым небом.

— Стойте! Именем короля, не закрывайте ворота! — крикнул взволнованный кучер, подгоняя уставших лошадей.

Солдаты недовольно фыркнули, но, увидев,

что по дороге едет золотая карета с государственным гербом, почтительно отступили. Арабелла мысленно поблагодарила Бога за то, что они успели въехать в город, иначе молодой женщине пришлось бы ночевать в экипаже.

Ощувив запах родного селения, девушка с облегчением вздохнула. Она, выглянув в оконце кареты, увидела прекрасный, тонувший в сумерках, пейзаж. Они проезжали мимо реки, в которой Арабелла очень любила купаться. На закате листва не была уже ярко-зеленой, от нее веяло золотисто-багровым оттенком. А вода.... Она так и манила к себе бурным журчанием.

— Остановите карету! — приказала мадемуазель. Кучер, подав руку дочери герцога, вежливо поинтересовался:

— Вы себя хорошо чувствуете? Что случилось, сударыня?

— Ничего, все в порядке. Просто мне захотелось погулять по берегу в полном одиночестве.

— Извините, но мне был отдан приказ не оставлять Вас одну, к тому же, уже почти ночь.

— Не забывайте, что я не Ваша рабыня, и Вы не можете мне указывать. Тем более, я нахожусь в родной окрестности. Здесь никто не причинит мне вреда. Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь, — с

этими слова Арабелла вскарабкалась на равнину. Пройдя через густую листву деревьев, молодая женщина оказалась на побережье. Камешки скользили под ногами, и девушка едва не упала. Присев, француженка положила подбородок на колени, обхватив их влажными ладонями. Рука Арабеллы машинально коснулась теплых брызг освежающей воды.

Девушке захотелось покупаться в реке, вновь почувствовать нежные прикосновения волн, что скользили по каждому изгибу тела. Поднявшись, молодая женщина стала медленно снимать платье. Одежда волной покатилась по ногам, как шелковистая змея. Переступив через наряд, лежавший на земле, девушка нырнула в объятия воды. Прохладная река поглотила ее тело, принялась ласкать, гладить, возбуждать каждый кусочек хрупкого, стройного тела. Ноги едва касались песчаного дна, течение было довольно сильным, но дочь герцога не боялась утонуть, ибо в плаванье ей не было равных.

Погрузившись в воду еще глубже, молодая женщина впервые в жизни задумалась над своей судьбой. Что это — человеческая доля? Решение Всевышнего, Свиток о жизни рабов Его, Послание ангелов? Или же путь человека, который он выбрал своими ушами, глазами, речью, действиями и чувствами? Может ли простой смертный поменять

порядки, установленные предками, изменить вековые традиции и законы? Может ли восторжествовать справедливость, существовать любовь между обычной провинциалкой и самим королем Франции?

Эти вопросы, как огонь, бушевали в сердце Арабеллы, как лед, опустошали ее душу, и, как стрелы, вонзались в разум.

Повернув голову к горизонту, девушка взглянула на воду. На сиянии заката она казалась багрово-алой, как свежая кровь, и золотистой, как чистое золото. *«Возможно, сам Бог Воды подал мне этот знак. Золото в крови.... Что это означает?»* — подумала голубоглазая красавица.

Арабелла вспомнила детство, то время, когда она еще девочкой купалась в этой реке со своими друзьями. Тогда жизнь казалась француженке безмятежной, спокойной, полной красок и надежд. Но то время, счастье, безмятежность прошли... и больше никогда не повторятся.

Небо померкло, солнце скрылось за горизонтом, подул ледяной ветер, на землю, подобно покрывалу, сшитым руками тьмы, опускались бархатные, перламутровые сумерки. Первый раз Арабелла почувствовала страх перед этой душливой темнотой. Обычно молодая женщина любила купаться в реке поздно ночью, когда сияние луны затуманивало сверкание звезд, а

вода напоминала бездну, которая, подобно змеям, поглощала и дарила наслаждение. Девушка внезапно поняла, как изменилась после первого роскошного бала, после первой ночи любви....

Вода похолодела. Она стала похожа на непробиваемый, острый лед. Дочери герцога показалось, что волны, подобно кинжалу, причинили нестерпимую боль. Вынырнув «фаворитка» лихорадочно натянула на себя запыленную одежду. Спустившись с равнины, молодая женщина остановилась. За кустами расхаживал взволнованный кучер. Увидев свою госпожу, мужчина радостно подбежал к ней, пытаясь сдержать взволнованную мину: — Леди, где Вы были? Я... — молодой человек не успел договорить, как Арабелла с хриплым возгласом покачнулась, вцепившись в протянутую руку слуги. Грудь девушки, тщательно спрятанная под плотной тканью платья, нервно подрагивалась, а из уст вырвалось некое подобие кашля. Придерживая француженку за озябшие плечи, кучер помог ей взобраться в карету и взволнованно спросил: — Вы вся дрожите, и такая бледная....

— Спасибо, но со мной все в порядке. Я просто замерзла. Давайте побыстрее уедем отсюда, — кучер мгновенно занял свое место и пришпорил лошадей, а Арабелла продолжала неподвижно сидеть, вслушиваясь в бешеное биение

сердце.

Через полчаса перед глазами путницы восстала родная деревня, окутанная хрупкой пеленой тишины. Молодая женщина сладостно вздохнула. Здесь воздух был наполнен ароматами цветов, что распускались, подобно сочным плодам, чистые улочки и закоулки тонули в раскидистой зелени, кусты свежего шиповника украшали длинные аллеи деревни.

Француженка подошла к родному дому. Огромная луна, похожая на яркий светильник, освещала своим сиянием двор. Арабелла де Фрейз тихо открыла ветхую дверь. Коридор тонул во мраке, и лишь на втором этаже едва дребезжал свет одной единственной свечи. Девушка окинула холл задумчивым взглядом: тюфяки с соломой, старые сундуки с многочисленными безделушками, связки дров, куски ткани...все это укрывало собой крохотный вестибюль, здесь пахло деревенской, тяжелой, но такой родной жизнью, а не отполированным, как драгоценный камень, существованием в роскоши и богатстве. Поднявшись по ступенькам, молодая женщина зашла в маленькую комнатку. В соломенном кресле, похрапывая, спала Антония, укрывшись рваной шалью. Свеча освещала пожелтевшее лицо старухи и Арабелла понимала, что неизвестная болезнь поедает несчастную изнутри, хоть та и

старается это скрыть. Подойдя к приемной матери почти вплотную, девушка тихо проговорила, касаясь ее плеча: — Мамамочка, милая, проснитесь.

Старая дама неохотно открыла глаза: — Арабелла, доченька, это ты?

— Да, мама, я пришла. Как Вы себя чувствуете?

— Я медленно чахла без тебя, дитя мое, но ты пришла, и все словно засветилось солнцем, — женщина обняла свою воспитанницу: — Где ты была два дня?

Арабелла опустила глаза. Гнев на Антонию прошел, но француженка не решалась сказать своей матери и госпоже о том, что знает о ее прошлом. Дама воспитала дочь герцога в строгости и повиновении, не позволяла девушке касаться щепетильных тем любви и близости даже в таком возрасте.

— Мама, не стоило волноваться за меня. Я..., — запнулась голубоглазая красавица: — Я осталась во дворце короля. Бал длился долго, и я решила немного погостить у повелителя. Да и его величество попросил меня остаться. Как я могла ему отказать? К тому же, Вы сами хотели, чтобы я поехала туда.

— Да, я хотела, но ты могла бы хоть предупредить меня. Ладно, иди к себе. Я сейчас принесу ужин, ты, наверно, проголодалась, устала,

дорога была дальняя. Поешь и отдохнешь, — покорно кивнув, Арабелла медленно зашла в свои скромные покои. Она едва не плакала, вспоминая о Людовике. Любит ли он ее, или нет? Этот вопрос не давал покоя юной девушке? Одно дело — овладеть телом, совсем другое — запустить в свое сердце любовь.

ГЛАВА 5

К позднему вечеру настроение Арабеллы совсем испортилось. Залившись потоком слез, несчастная сидела возле окна и смотрела в непроглядную тьму. Лишь маленький фонарик, висевший на крыльце, освещал двор. Но порой казалось, что нигде нет покоя для невинной души. Везде только блуждает боль, страдание и одиночество.

В комнату неторопливо вошла Антония. Услышав шаги матери, Арабелла быстро смахнула с ресниц слезы. Подойдя к дочери, женщина протянула ей стакан горячего молока с медом: — За ужином ты даже не притронулась к еде. Выпей хоть это, — девушка лишь покачала головой: — Арабелла, я уверена, что в пути у тебя во рту и крошки не было, к тому же ты такая бледная. Не мучь себя, выпей, — дрожащей рукой взяв чашку,

дочь герцога сразу ее опорожнила, чувствуя, как тепло разливается по всему организму. Поставив посудину на столик, француженка не решалась взглянуть на мать, чувствуя, как слезы разъедают глаза.

— Что такое, дочка? Ты плачешь?

— Нет, мама. Со мной все в порядке.

— Не обманывай меня. Я все вижу. Всего несколько часов назад ты вернулась из Парижа, а уже замкнутая в себе и грустная. Что является причиной твоих горьких страданий?

Девушка не сдержалась. Захлебываясь слезами, она прижалась к приемной матери: — Мне так тяжело, мама.

— Арабелла, это касается любви? — молодая женщина судорожно кивнула, вцепившись ледяными пальцами в морщинистую ладонь матери: — Послушай, что я тебе скажу, и хорошенько запомни мои слова. Они пригодятся тебе в будущем: мужчины никогда не могут по-настоящему любить. Их сердца похожи на камни, в которых нет места нежности и страсти. Все слова, слетевшие с их уста — лишь лживые фразы. Никогда не верь мужчинам, дочка, особенно монархам. Они умеют ввести невинную девушку в водоворот интриг, и никто даже кривого слова не скажет, не посмеет. Арабелла, в свое время я тоже любила, но получила отказ и полное разочарование

в этом манящем чувстве под названием — любовь. Тогда я поняла: жизнь, подобно перышку: выпустишь — улетит, удержишь — останется. Поэтому всегда нужно ради себя и не становится игрушкой в руках мужчин.

— Мама, — постаралась улыбнуться француженка: — Я очень устала. Вы можете уже идти. Спокойной ночи.

Антония хотела возразить, но, увидев осужденной взгляд дочери, молча, покинула комнату.

Мадемуазель де Фрейз всю ночь провела в слезах. Ее нестерпимо жег огонь безвыходности и сомнений. Девушка понимала, что полюбила Луи, но как она могла быть с ним? Трон и корона никогда не перейдут к обычной простолюдинке, из какого бы рода она не происходила. Властью и положением завладеет другая женщина, ставшая женой-королевой правители Франции. Тогда Арабелла превратится просто в жалкую любовницу, не более того. Разве об этом могла мечтать дочь самого герцога де Фрейз? И разве это судьба самой обворожительной леди всей Европы?

Ранним утром над усадьбой раздался оглушительный треск и гул. Арабелла, одетая в одну ночную сорочку, выбежала во двор. Глаза девушки округлились от страха и стыда. По телу пробежала дрожь, сердце бешено забилося в груди.

Перед красавицей стояло шесть высоких мужчин в национальной одежде французских жандармов. Один из них кинул к ногам молодой женщины халат. Дочь герцога лихорадочно прикрыла полуобнаженные плечи и грудь.

— Кто вы такие?! Что вам здесь нужно?!

— Это Вы мадемуазель Арабелла де Фрейз? — пренебрежительно бросил тучный мужчина уже немолодых лет.

— Да, а кто вы такие? Как вы посмели врываться на территорию одинокой женщины?!

— Сударыня, мы личные жандармы нашего великого монарха!

Молодая женщина язвительно усмехнулась: — И чего от меня хочет король?

Шесть стражников сделали шаг вперед: — По приказу его величества мы должны арестовать вас!

Арабелла отшатнулась. Холодный ветер рывками обветрил ей лицо и растрепал золотистые, как жаркий огонь, волосы. Неужели таким способом Людовик решил избавиться от ненужной любовницы?

— Арестовать? Но на каких правах? Я — свободная женщина, и вы не имеете права меня задерживать. В таком случае, пожалуйста, предъявите обвинения. В чем я виновата? — продолжала парировать девушка. Конечно, она понимала, что для вынесения королевского

приговора обвинения не нужны. Монарх захотел — все исполнили, и никто даже не посмеет противоречиво открыть рот, иначе сразу лишится не только языка, но и головы.

— Нам это неизвестно, сударыня, — вырвал Арабеллу из раздумий высокий, статный молодой человек, Глава этого корпуса: — Мы лишь выполняем приказ его величества короля. Пожалуйста, не создавая шума, тихо, следуйте за нами.

Испуганная девушка сделала шаг назад. Под ее ногами зашелестела трава. Арабелла прижалась к толстому стволу дерева: — Не смейте подходить ко мне! Не приближайтесь!

Смуглый жандарм, одетый в замшевую тунику и такого же материала панталоны, взял молодую женщину за руку: — Успокойтесь, леди Арабелла. Вам никто не причинит вреда. Мы просто отвезем Вас туда, куда положено.

— Я не собираюсь тратить время на обвинения, не касающиеся меня! — выпалила голубоглазая красавица.

— Леди! Не испытывайте нашего терпения! Идемте! — жандармы одели на руки пленницы железные кандалы.

— Отпустите меня! Вы не имеете права! Я буду жаловаться правосудию! Отпустите!

— Мадемуазель де Фрейз, замолчите! И

покорно следуйте до экипажа! — мужчины подвели невольницу к карете. Не успела девушка опомниться, как на ее глаза слетела черная повязка. Арабелла ощутила, как чьи-то сильные руки насильно посадили ее на что-то твердое и неудобное. Жандармы, завязав своей пленнице глаза, приступили к запястьям. Крепко перемотав руки молодой женщины веревкой, стражники опустили на лицо Арабеллы тяжелый, черный мешок. Оказавшись слепой, немой и связанной, француженка перестала вырываться. Солдаты, вооружившись шпагами, сели рядом, словно беспомощная, слабая женщина могла противостоять шестерке натренированных, сильных мужчин. Карета тихо двинулась с места. Девушка пыталась вести себя спокойно, но ей это слабо удавалось. Кандалы до крови расцарапали запястья, от веревок, впившихся в нежную кожу, опухли пальцы и ладони, повязка натерла глаза, под тяжелым мешком дыхание затруднялось.

Арабелла замерзла, тонкий халат едва ли удерживал тепло на хрупком теле в этой промозглой карете. Молодая женщина тихо застонала. Из-за плотной материи, прилегающей к губам, она не могла ничего сказать. Жандрам аккуратно снял мешок с головы своей пленницы, наблюдая, как копна спутавшихся волос укрывает худенькие плечи: — Если будете сидеть тихо, эта

неотесанная, грубая ткань не коснется Вашего прелестного, невинного лица. Достаточно одной повязки, закрывающей Вам глаза, — экипаж резко остановился. Дочь герцога ощутила, как резкий холод берет в плен тело: касается плеч, потом опускается на небольшие, девичьи груди, скользит по безупречному, плоскому животу, обвивает талию и щекочет бедра. Арабелла вздрогнула. Она не могла забыть чуткие, возбуждающие прикосновения короля в их первую ночь, не могла забыть его дерзких движений. И даже мороз, скользящий по коже, напоминал девушке об этом.

Глава корпуса почти вытолкнул Арабеллу из экипажа, и, еще крепче завязав ей глаза, повел по острым камням, впивающихся в замшевую ткань туфель. Молодая женщина пыталась понять, где она находится, но постоянные толчки не давали ей сосредоточиться: — Где я? Куда вы меня ведете? — испуганно спросила девушка.

— Успокойтесь, скоро узнаете.

Молодая женщина почувствовала, как под ногами что-то зашевелилось:

— Спускайтесь, — услышала она приказ, не терпевший возражений, — жандарм, взяв пленницу под локоть, помог ей спуститься по ветхой лестнице. Арабелла, поскользнувшись, ухватилась рукой за того самого главу: — Осторожней, миледи, ступени скользкие.

Девушка, вздрагивая от страха, прижалась к телу солдата: — Как Вас зовут?

— Альберд де Гирмонд, Глава королевского корпуса жандармов.

— Вы добрый человек. Спасибо за Вашу заботу, но...я боюсь умереть в плену, от мечей людей короля.

— Не бойтесь, леди, поскольку наши страхи всегда не имеют никакого значения. Боимся мы или нет, если какое-то событие должно произойти, оно и так произойдет, страх его не остановит.

— Сэр, почему мы остановились? — раздался нетерпеливый голос другого жандарма.

— Не торопись, Ник. На смерть не спешат, — грустно, но с полуулыбкой ответил главнокомандующий.

Арабелла не видела лица Альберда, когда он говорил эти ужасные слова, но она отчетливо слышала его голос, наполненный странным сожалением, отчаянием, холодом и равнодушием. Первый раз в жизни француженка ощутила на своей шее ледяное дыхание страшной, приближающейся смерти.

Кто-то толкнул девушку вперед, да так сильно, что она упала с рыхлых ступеней на сеновал. Жандарм рывком развязал пленнице глаза. Мадемуазель де Фрейз лихорадочно огляделась по сторонам. Молодая женщина находилась в подвале,

напоминающем настоящую темницу для непокорных пленников. В углах все завешено паутиной, через решетки не пробивается ни единый луч света, а в тени громоздится страшная машина для пыток водой. Жертве перед пыткой не давали еды несколько дней, а потом опускали на самое дно сооружение так, чтобы как можно сильнее выпирал живот (хотя, после голодания это было сделать трудно) и начинали вливать в рот воду. Несчастный либо захлебывался, либо жидкость заполняла все внутри, желудок не выдерживал и разрывался. Арабелла, едва сдерживая в себе тошноту, отвернулась от машины и устремила взгляд на уходящие силуэты жандармов.

Время тянулось ужасно долго и мучительно. Девушка то ходила по темнице, то сидела на сеновале, всматриваясь в крошечную тьму. Как бы то ни было, но усталость быстро сморила молодую женщину и она, забившись в угол, задремала.

Раздался скрип двери. Резкий свет осветил непроглядный подвал. Арабелла в ужасе открыла глаза. У двери, в тени, стоял какой-то человек, упирившийся на деревянную, покачивающуюся трость. Француженка, едва дыша от страха, прижалась спиной к грязной стене. Старик приближался к ней тихо, едва передвигая ноги.

— Кто Вы? Что Вам нужно? — испуганно спросила провинциалка.

— Не бойся, — раздался неизвестный голос. Он звучал, как из далека, из непроглядной темноты.

— Зачем Вы пришли? Я не виновата.

— Не волнуйся. Я не причиню тебе вреда. Я обычный человек, пытающийся показать верную дорогу тем, кто сбился с истинного пути и идет туда, где горит единственный огонек, окруженный зловещим, непроглядным лесом, но пропускает дорогу, на конце которой свет, радость, счастье и жаркое пламя, сжигавшее беды. Запомни, маленькую свечу, которую запалила одна рука, потушить легче, чем огонь, горевший благодаря нескольким прикосновениям. Поэтому, ищи взаимной, счастливой любви, пускай она даже будет не посыпана золотом, а застелена сельским, бедным сеном. Но неразделенная страсть, даже сделанная из бриллиантов и пурпура, не подарит умиротворения, наслаждения и спокойствия, а только опустошит душу, разобьет сердце и, подобно стреле, наполнит мысли смутными воспоминаниями прошлого.

Арабелла, едва дыша, слушала эти драгоценные, мудрые речи. Старец походил на простого бедняка, но говорил он истинными словами философа.

— Что Вы имеете в виду? Я чиста перед Господом Богом, — медленно протянула девушка.

— Это сейчас ты чиста и непорочна, но

пройдет немного времени, и ты облачишься в золото и алмазы. С гордостью станешь носить шелк и золотую парчу, на головушке своей — короны из драгоценных камней, серебряные диадемы, и нежные, как лепестки цветка спелого граната, вуали. На шее твоей сотни подвесок дорогих висеть будут, на руках перстня выточенные и браслеты звенящие. Но...рученьки твои в алой крови.... С пальцев капать будет красная жидкость, затмившая сияние роскоши. А гордость.... Она заглушит голос совести и справедливости.

— Я никогда не пролью кровь невинных людей. Ничто и никто не заглушит мою совесть, — гордо бросила молодая женщина. В ее голосе прозвучала печаль, но и нескрываемое высокомерие.

Старик с грустной полуулыбкой прошептал: — Посмотри по сторонам. Что ты видишь? Это произойдет и с твоей душой.

Девушка вытаращила глаза. Вокруг нее, на полу, на стенах, на сеновале лежали украшения, золото, серебро, драгоценные камни, золотые монеты. Но Арабелла, присмотревшись, увидела на всем этом капли свежей, алой крови. Она блестела, как осенняя листва на полуденном солнце, сверкала, словно звезды в ночном небе. Внезапно раздался оглушительный гул, такой сильный, что все вокруг затрепетало. Дочь герцога увидела перед

собой огнедышащего дракона, поднимающегося прямо из земли. Из-за страха, сковавшего все тело, девушка не могла пошевелиться. Она успела рассмотреть лишь старика, уходившего в тень, потом все заполнило адское пламя....

Арабелла де Фрейз с визгом проснулась. Тот старик, то золото, те слова, тот дракон — все это лишь кошмар, ужасный сон. Молодая красавица с ужасом огляделась. Она все еще находилась в этой грязной, сырой темнице. Француженка тяжело вздохнула. Девушка не знала, сколько времени здесь пробыла, ибо в камере всегда царила непроглядная тьма.

Вновь раздался оглушающий, противный скрип двери и в тюрьму кто-то бесшумно вошел. Но это был уже не сон, а суровая реальность. В тени стоял молчаливый жандарм, держа в руках медную миску и флягу с водой. Арабелла встала. Она уже не боялась, что стражники могут убить ее из-за неповиновения. Самое страшное — остаться в этой камере еще на продолжительное время.

— Сколько времени я здесь еще буду? Это заточение когда-нибудь закончится?

— Я обычный охранник и мне ничего неизвестно. Лишь сэр Альберд де Гирмонд может Вас отпустить. А пока Вам остается только ждать, — равнодушно кивнул мужчина.

— Чего ждать?

— Либо освобождения, либо казни, — с этими словами жандарм положил миску с бульоном и ломтик хлеба на свежий стог сена.

Прошел день, второй.... Стражники носили Арабелле еду, тазы для умывания, но девушка уже не могла выносить этого заключения. Никто, кроме нескольких охранников, не приходил к ней. К сожалению, и те молчали и лишь изредка бросали взгляд на француженку, словно на преступницу.

Однажды рано утром в темнице раздался повелительный голос, а на пороге появился молодой, галантный мужчина — аристократ, одетый по последней элегантной французской моде. Все в нем казалось таким гармоничным и даже немного слащавым, но эта угрожающая сабля, покоившаяся на поясе.... Арабеллу передернуло от серебристого сияния острого лезвия.

— Мадемуазель Арабелла, — учтиво протянул незнакомец, снимая головной убор и низко поклонившись.

— Кто Вы такой? — грубо бросила девушка, отвернувшись от новоприбывшего.

— О, миледи, вижу, учтивости Вас не научили. Что ж, заниматься перевоспитанием непокорных девиц я не собираюсь. Поэтому отвечу на Ваш вопрос: меня зовут синьор Мучениго, я главный советник и близкий друг его величества короля Франции Людовика XIII. Великий монарх

отдал приказ навещать Вас до его приезда.

— Навещать или убить? — усмехнулась дочь герцога.

— Убить? Мне просто интересно, что Вы такого натворили, что ожидаете смертной казни?

— Я и сама не знаю, за какие грехи сейчас мне приходится страдать. Я ничего такого не сделала, чтобы лишиться жизни. Будьте любезны, скажите мне, когда я смогу выйти отсюда?

— Когда приедет король. Только повелитель имеет право освободить Вас, поскольку по его инициативе Вы томитесь здесь.

— Вы ведь знаете, что он убьет меня...,- обреченно кивнула девушка. Синьор, ничего не ответив, молча, покинул подвал.

К вечеру молодая женщина услышала какие-то звуки за стеной. Прислонившись к ледяным камням, ей удалось подслушать разговор двоих стражников:

— Сегодня приедет Людовик. Он очень разгневадается, увидев свою пленницу в таком состоянии. Принеси ей новое платье и лохань для купания. Пусть приведет себя в порядок, — приказал главнокомандующий корпусом.

Девушка села на пол. Разум не хотел видеть Луи, но сердце.... После той роковой ночи прошло достаточно времени, но рана еще кровоточила.

Переодевшись в чистое, льняное платье,

молодая женщина нервно расхаживала по темнице, покусывая и так треснувшие губы. Арабелла с трепетом ожидала, что в камеру зайдут немые палачи и снесут ей голову с плеч. Дочь герцога услышала отчетливые шаги за дверью, принадлежавшие Людовику.

— Она там?

— Да, Ваше Величество.

— Идем со мной, Альберд.

Девушка расправила платье и слегка причесала волосы. Как бы то ни было, очаровательная красавица хотела выглядеть неотразимо перед монархом Франции. Дверь, словно по взмаху волшебной палочки, с легкостью открылась, и в камеру гордо зашел сын Марии Медичи, чье лицо тщательно прикрывала широкополая шляпа.

— Что за дерзость?! Кто посмел одеть ей на руки эти ужасные кандалы?! — внезапно в бешенстве закричал король.

— Простите, сир, я сейчас немедленно сниму, — девушка тихо воскликнула, когда на запястьях щелкнул маленький замочек, а грубое железо с грохотом обрушилось на пол. Арабелла растерла опухшие запястья, убрала рыжий, выбившийся локон с лица, и, когда осталась наедине с повелителем, осмелилась гордо проговорить, даже не подумавши поклониться:

— Что происходит, сир? Ваши люди напали на мой дом, связали меня, одели на лицо мешок и кинули в карету. Потом привезли в какой-то подвал и неизвестно, сколько я томилась на этом сеновале. Скажите, пожалуйста, зачем Вы приказали отвести меня в эту деревню?

Людовик от всего сердца рассмеялся. Но молодая женщина лишь высокомерно усмехнулась. Первый раз в своей жизни она почувствовала настоящую, необыкновенную симпатию, даже больше, к мужчине такого высокого происхождения. Людовик представлял собой красивого, привлекательного мужчину еще совсем молодых лет. Стройное тело, карие глаза, вьющиеся, темные волосы.... Девушке становилось дико и страшно, что этот красавец однажды овладел ей, и она была в его постели. Теперь француженка видела перед собой совершенно другого человека. Не того властного, бессердечного короля, а джентльмена, способного на ласковые прикосновения и нежные, добрые слова. Возможно, это странное чувство, такое робкое, трогательное, милое и носило имя *«Любовь»*.

Арабелла улыбнулась собственным мыслям и посмотрела прямо в глаза Луи, что было недозволено любой женщине. Но это не разгневало короля, наоборот, он еще ближе подошел к своей пленнице и тихо, лстыиво

прошептал: — Вы удивительная девушка, Арабелла, раз считаете, что мои люди привезли Вас в какую-то захолустную деревню. На самом деле Вы находитесь в Париже, в подвале моего дворца. Я приказал вести Вас через самую короткую дорогу, дабы Ваш блистательный ум ничего не понял, мадемуазель.

— Я в Париже? О, я, кажется, поняла. Это здесь должна свершиться моя смертная казнь?

— Я совсем не собираюсь Вас убивать, миледи. Я люблю Вас....

— Любите?.. — беззвучно пролепетала дочь герцога. Владыка наклонился над своей невольницей так близко, что их губы едва не касались друг — друга. Девушка страшилась этой близости, но что она могла сделать, если пожар страсти полыхал в душе все сильнее? Хрупкое тело обмякло в сильных руках молодого человека, Арабелла уже чувствовала на своей тонкой талии его возбуждающие прикосновения.

— Не нужно..., — проговорила бледными губами Арабелла, пытаясь отвернуть от Людовика свое вспыхнувшее лицо: — Не нужно делать то, о чем мы оба потом будем жалеть...

— О, мой возлюбленный цветок, зачем противиться судьбе, если она пожелала соединить наши сердца и подарить нам блаженную любовь? Прекрасная...неповторимая...моя...

Молодая красавица закрыла глаза и тихо пролепетала: *«О, Господь Всемогущий, я совершаю грех, но он так сладок»*. Француженка сама не заметила, как оказалась в крепких объятиях повелителя. Мужчина, слегка приподняв девушку, посадил ее на сеновал и стал возбуждающе развязывать шнуровку на корсете. Жаркая дрожь пробежала по телу Арабеллы, а голова пошла кругом. Обхватив дрожащими руками шею Людовика, молодая женщина почувствовала, как тонет в омуте страсти.

ГЛАВА 6

Арабелла и король лежали на сеновале, смотря в усыпанное ночными звездами, небо. Молодая женщина ощущала в душе тот самый бренный запах любви, о котором толковали поэты в своих стихах и распевали средневековые трубадуры. Любовница молодого человека улыбнулась, подумав о том, что ее, обычную простолюдинку, полюбил сам монарх Франции.

— И все же, почему ты выбрал именно меня? Я была простой бедной девушкой, приехавшей на роскошный бал, устроенный обворожительным господином этих земель. Раньше я думала, что ни один бродяга не захочет коснуться меня, а потом я

познала мир вечности в объятиях самого вельможи. И вправду говорят, пути Господни неисповедимы....

— Ты не такая, как все. Ты особенная, нежная, но и игривая, страстная, дерзкая. Твоему блистательному уму, как и ослепительному очарованию, нет равных. Когда я увидел тебя в тот прекрасный день, в хмурой галерее, в моей голове промелькнула мысль *«Если я не завладею сердцем и душой этой девы, то не буду королем Франции»*, — сир обнял свою возлюбленную и нежно заскользил губами по ее щеке.

— Как нам теперь быть? — радость исчезла из голоса прелестной дамы: — Я лишь твоя любовница, но мне никогда не стать... супругой.

Арабелла посмотрела на своего властелина и заметила, как он побледнел. Глаза Луи словно заледенели, а улыбка навсегда стерлась с лица.

— Что с тобой? — задумчиво спросила девушка, касаясь своей нежной рукой щеки любимого. Король, опустив глаза, поднялся с сеновала и стал быстро натягивать свою белоснежную рубаху:

— Одевайся. Нам пора идти.

Молодая женщина, слегка улыбнувшись, покачала головой: — Ты уходишь от ответа, — монарх так резко повернулся, что показалось, словно его внезапно обжег огонь. Карие глаза

сузились, а лицо налилось багрянцем. Девушка впервые по-настоящему вздрогнула от злости этого человека. Француженка хотела возразить, но Людовик прервал ее гневным вскриком:

— Мадемуазель, я не собираюсь Вас ожидать! Быстро одевайтесь и следуйте за мной!

Молодая женщина встала и, подойдя к властелину, опустила свою руку на его плечо: — Ты на меня злишься... Но почему?

Людовик взял Арабеллу за запястье и нежно поцеловал ей пальцы: — Как я могу гневаться на тебя, о, мой прелестный ангел? Ты же для меня все: еда, питье, воздух, земля, вода, солнце и луна. Без тебя я ничто, ни король, ни мужчина, ни человек. Твои волосы, твои глаза и уста — для меня самое прекрасное на этом свете. Не огорчайся по пустякам, возлюбленная моя, — владыка провел ладонью по пышным губам мадемуазель де Фрейз.

— Тогда скажи мне, кем я стану для тебя: женой, или наложницей?

— Мы поговорим об этом потом, — король наклонился и протянул Арабелле ее платье: — А сейчас, идем.

Девушка, надев наряд, пошла вслед за правителем. Он вывел француженку из подвала и, подозвав лакея, сказал: — Пока посели миледи в ее бывшей комнате. Позже я прикажу найти лучшие покои с террасой и комнатой для прислуги. И еще,

позови в мои покои синьора Мучениго.

Король зашел в свою опочивальню. В его сердце бушевало странное чувство, одновременно приятное и пугающее. «Арабелла» — шептал монарх. Это имя казалось королю сладко-горьким. В нем царила гармония, покой, но беспокойство, страх. Людовик подошел к камину, наблюдая, как пламя поглощает сухие ветви. Так само и переживания уничтожали в душе Луи все прекрасное.

Стук в дверь прервал размышление государя. В кабинет почти бесшумно зашел дворянин.

— Ваши величество, Вы желала меня видеть?

— Проходи, Мучениго, — повелитель сел за письменный стол: — Объяви всем, что теперь мадемуазель Арабелла де Фрейз является моей законной фавориткой, введи ее в ранг высшей придворной дамы и выдели лучшие покои в этом дворце. Я повышаю ее ежемесячное жалование в четыре раза.

Дворянин удивленно поднял глаза. Итальянец прекрасно знал своего господина, властного и серьезного, который никогда никого по-настоящему не любил, а сейчас он со страстной пылкостью говорил про прекрасную француженку.

— Мучениго, я обрел счастье и покой возле Арабеллы. Ее губы, глаза и голос стали для меня раем. А вот ты...когда ты найдешь свою

любовь? — с полуулыбкой спросил сил.

Молодой человек покраснел, но его глаза похолодели и потухли: — Ваше Величество, моя любимая жена Кларисса была для меня всем. Вы же знаете, ее предсмертный стон до сих пор стоит у меня в ушах. Как бы я не старался, я не могу ее забыть.

— Друг мой, твоя супруга была очень хорошей женщиной. Но, умирая, она желала тебе счастья. Пусть она вечно живет в твоём памяти, но в твоём сердце должна появиться другая.

— Рана, болевшая много лет, не затянется за один миг. И я горжусь тем, что этот кровавый шрам, подобно пахучей розе, напоминает мне о Клариссе, — желая перевести тему разговора в более приятное русло, дворянин поведал: — Сир, сегодня приехал гонец, он привез письмо от ее величества Марии Медичи.

— Хорошо, позови его. Посмотрим, какие пожелания у матушки, — синьор несколько раз хлопнул в ладоши, приказывая рассыльному войти. Юноша, учтиво поклонившись, протянул аккуратно сложенный лист бумаги, скрепленный тяжелой, королевской печатью.

— Эй, парень, как королева-мать? Надеюсь, в добром здравии?

— С великой сударыней все хорошо, она днем и ночью молится о Вашем благополучии.

Подготовка к свадьбе в самом разгаре, милорд.

В кабинете воцарилась тишина. Мучениго неловко опустил глаза, сочувственно поглядывая на короля. Итальянец отлично знал, что его повелитель не хочет этого брака, но не смеет противиться своей величественной матери. Да и мадемуазель Арабелла не выдержит такого удара.

— Передай королеве, что пусть инфанта пока не приезжает. Я слишком занят, чтобы встречать принцессу-невесту. Остальное я лично напишу матушке, а ты передашь письмо. Аудиенция окончена.

Когда гонец покинул покои, синьор, по велению короля, стал читать:

«О, мой великий сын, отважный правитель и воин, пусть Господь Всемогущий дарует тебе здоровья и счастья! До меня дошли благословенные слухи о твоих славных делах. Весь народ восхищается тобой и не перестает говорить, что могущественный монарх даровал жилища бедным людям, вдовам и старикам, сирот приказал записать в местные пансионы и монастыри, возвел новые поместья! Теперь никто не голодает и не просит милостыню. Я надеюсь, что вскоре, с позволения

*Всевышнего, возьму внуков на руки, и
наша славная династия
продолжится. Будь благословенен,
милорд.*

**Королева-мать Мария
Медичи».**

— Напиши сударыне, что если ее желание поженить меня так велико, я покорюсь ему и буду ждать ее в день свадьбы. Можешь идти.

— Как прикажете, Ваше Величество, — низко поклонившись, дворянин удалился.

* * *

Джесси усердно расчесывала Арабелле волосы, поскольку молодая фаворитка готовилась к предстоящей ночи с королем.

— Сегодня я буду с Людовиком, — сладостно протянула девушка, придирчиво рассматривая свое лицо в маленьком, золотом зеркале.

— Вам очень повезло, сударыня. Не каждой выпадает возможность стать возлюбленной самого монарха, — задумчиво ответила горничная.

— Ты завидуешь? — улыбнулась красавица.

— Что Вы? Я просто горжусь Вами, миледи, — поднявшись с кушетки, девушка нанесла на губы алую, блестящую помаду.

— Мой наряд готов?

— Конечно, мадемуазель. Швей сумели сотворить из обычного куска ткани настоящее произведение искусства.

Облачившись в белоснежный наряд, сшитый из гладкого шелка и украшенный жемчужными бусинками, молодая женщина направилась в опочивальню владыки.

— Король ждет меня, — сказала стражникам Арабелла. Поклонившись, охранники пропустили фаворитку.

Войдя внутрь покоев, девушка с улыбкой склонилась в реверансе. Монарх велел любовнице подойти: — О, моя возлюбленная, своим приходом ты осветила эти хмурые стены.

Дочь герцога села напротив Людовик и обвила руками его сильные плечи, нежно проговаривая: — Я так за тобой соскучилась. Мой повелитель, владыка моего сердца, без тебя не милы мне ни дни, ни ночи, ибо ты — мое солнце и луна.

— Я тоже думал весь день о тебе, дева моя прекрасная. Твои глаза, подобно звездам, освещают мой верный путь. Клянусь, никогда я еще не чувствовал, как мое сердце, душа, тело и разум принадлежат самой прекрасной женщине.

— Именно об этом я и мечтаю. Для меня самое главное — быть твоим местом счастья и

покоя. Ведь только со мной ты обретешь все это, — Арабелла де Фрейз опустила свои голубые, прекрасные глаза.

— Ты сомневаешься в моей любви? — в голосе сира послышался упрек, и девушка пожалела, что произнесла эти слова.

— Что ты? Я не сомневаюсь, а просто хочу услышать это собственными ушами. Услышать, что я для тебя единственная, и нет другой, и никогда не будет!

— Тогда слушай, — правитель коснулся устами губ Арабеллы и тихо прошептал: — Ты для меня единственная, особенная, неповторимая. В целом мире нет другой, потому что ты — моя избранница, фаворитка, возлюбленная. Эти губы, глаза, волосы.... Не сомневайся во мне, прекрасная роза. Моя верность и любовь к тебе безгранична, — Луи нежно обнял Арабеллу.

Все последующие дни тянулись с постоянной безмятежностью. Молодую женщину ввели в ранг придворной дамы, и теперь она могла с легкостью и достоинством посещать балы и пиры. Король осыпал свою юную любовницу всевозможными подарками: дарил дорогие украшения, роскошные платья и славянские меха, славившиеся во всей Европе. Конечно, девушка чувствовала, что кроме монарха, Джесси и синьора Мучениго ее больше никто не любил во дворце. Аристократки видели в

молодой фаворитке лишь соперницу, а мсье злились сами на себя из-за невозможности даже кокетливо взглянуть в сторону прелестной женщины.

Но беззаботная жизнь в один миг просто рухнула. Людовик стал отдаляться от Арабеллы, придумывая предлоги и отговорки. Целыми ночами девушка ждала повелителя в надежде, что он придет к ней, заключит в объятия, поцелует, но постель молодой женщины оставалась холодной и пустой.

— Владыка ее разлюбил, — шептали придворные красавицы.

Конечно, мадемуазель де Фрейз продолжала верить в любовь его величества, но разве она могла предположить, в чем на самом деле причина?

Однажды Арабелла гуляла с Джесси в саду. Прохладный ветер развивал искрящиеся, рыжие волосы женщины по ветру, ласкал лицо, словно пытаясь утешить, но задумчивая дама лишь бесцельно прохаживалась по аллеи.

— Что с Вами, миледи? Вы так грустны, — раздался голос служанки, снимающей со своего лица кружевную вуаль: — Вы не слушайте сплетни, гуляющие по дворцу.

— Я не слушаю сплетен, я слушаю свое сердце. Оно чувствует приближение беды. Я боюсь. Внутри какой-то неприятный ком, — ответила

леди, печально созерцая капли росы на зеленой траве.

— Будьте спокойны, мадемуазель. Положитесь на милость Господа, — улыбнулась горничная, трижды перекрестившись, отгоняя несчастье.

Арабелла собралась уходить, но внезапно услышал возглас глашатая: — Его величество король Людовик XIII! — две девушки присели в низком реверансе. Государь подошел к Арабелле:

— Что ты здесь делаешь в такую рань?

— Повелитель, я вышла прогуляться, — бледными губами проговорила парижанка.

Заметив грусть на лице фаворитки, Луи слегка приподнял ее подбородок и взглянул в затуманенные неясной болью глаза: — Чем ты так опечалена? Что-то случилось?

— Сир, — голос молодой женщины дрожал и срывался, а в очах блестели слезы: — Почему ты избегаешь меня? В чем я виновата? Ты разлюбил меня? Правитель Франции улыбнулся, но резко отдернул руку, словно почувствовав прикосновение огня:

— Глупышка, откуда в твоей голове такие мысли? Вытри слезы, не плачь. Фаворитке короля не идут эти серебряные дорожки на щеках, — внезапно в голосе Людовика почувствовалась ледяная сталь, а в глазах блеснули беспощадные

искры ненависти и злобы: — Ты обязана быть покорной и тихой, выполнять все, что я скажу. Поверь, это для твоего же блага. Если я несколько раз отверг твое «приглашение» на ночь, значит, так было нужно. Сегодня приходи ко мне вечером.

Когда монарх ушел, мадемуазель продолжала неподвижно стоять. Ей казалось, что внутри все объято пожаром. Она не понимала, почему слезы до сих пор текут щекам, а сердце продолжает бешено колотиться внутри. Этот ветер, что развивает по воздуху листву и ее волосы, не предвещал ничего хорошего. Волнение сдавило горло Арабеллы. Внезапный дождь смыл с лица парижской красавицы соленые капли, но и посеял смуту в сознании девушки. С первым ударом грома молодая женщина поняла, что заподозрила короля в измене и неверности. Но эта мысль пронзила огненной стрелой не разум француженки, а ее сердце. Чтобы насквозь не промокнуть, леди пошла быстрым шагом по мраморной лестнице, залитой дождем.

Вечером грустная красавица сидела напротив камина и читала древнюю книгу. Она не собиралась к ночи с Людовиком, поскольку в глубине души знала, что этой ночи не будет. Джесси, принеся своей госпоже стакан воды, удивленно спросила: — Вы не готовитесь? Уже поздний час.

— Мне кажется, монарх не позовет меня.

— Сударыня, но он же сам сказал, что желает сегодня видеть Вас в своих покоях.

— Это лишь слова...

— Миледи, что с Вами такое? Вы что-то от меня скрываете?

— Плохо мне, Джесси, очень плохо. Не понимаю, почему в глазах владыки был тот холод, то равнодушие, презрение. Я никогда раньше этого не замечала. Видно, есть какая-то ужасная тайна.

— Вот придет лакей, и скажет, что его величество хочет принять свою прекрасную, возлюбленную фаворитку. Тогда у Вас и развеются сомнения.

— Дай Бог, — вздохнула Арабелла де Фрейз.

Внезапно раздался настойчивый стук в дверь и на пороге появился слуга.

— Монарх зовет меня? — встревоженно спросила молодая женщина.

— Нет, мадемуазель, его величество сказал, что сегодня не хочет Вас видеть, и приказал отменить подготовку к ночи.

— Вон! — завопила девушка.

— Сударыня, — растерянный лакей сделал неуверенный шаг вперед.

— Убирайся! Вон с моих глаз! — девушка лихорадочно встала с кровати. Шатаясь, несчастная подошла к двери, через которую еще доносились отдаляющиеся шаги напуганного слуги. Молодая

фаворитка понимала, что настало время истины, какой бы горькой она не была.

— Миледи, прошу Вас, не делайте этого! Не идите туда! Король еще больше разгневается! Женщина не может....

— Я знаю, Джесси, что женщина ничего не может, она не имеет право кого-то послушаться, поднять глаза, высказать свое мнение, не имеет право быть счастливой! Но я не буду молчать лишь потому, что являюсь женщиной! — девушка, подобно бури, выбежала из покоев и помчалась по коридору в опочивальню Людовика. Арабелла знала, что больше не будет терпеть обман и презрение со стороны монарха. Либо он любит ее и никогда не предаст, либо пусть открыто заявит об измене. К счастью, стражники не стояли на своих постах и молодая женщина, подавив в себе страх и неуверенность, подошла к двери, отлично слыша разговор синьора Мучениго и Луи.

— Ваше Величество, пришло послание от короля Филиппа III. Анна Австрийская уже в пути и скоро прибудет во дворец.

— Ах, если бы я мог не жениться на ней.....

— Но, сир, это лишь свадьба, формальность, подпись на документах. Вы ведь знаете, что на самом деле ничего не будет....

— Нет, друг мой, будет.... Будет настоящий брак. Не только слияние двух династий, но и

слияние тел. Я раньше тоже думал, почему короли переживают, угнетают себя, мучаются, женясь на нелюбимых, думал, так легко сказать: *«Вы только моя королева, но не жена»*. Оказывается, эти слова очень тяжело произнести. Матушка мечтает взять на руки внуков, как я могу противиться ее воле? Эта женщина ляжет в мою постель чистой и непорочной девственницей, а встанет полноценной супругой монарха Франции. Порядки создавались не для того, чтобы их нарушать, Мучениго, — желая перевести откровенный разговор в официальное русло, владыка сказал: — Проследи, чтобы моей невесте дали самые роскошные покои и самых трудолюбивых слуг, и встретили, согласно нашим традициям. Объявите на всю Европу, что вскоре у подножия престола Бурбонов сядет принцесса-инфанта династии Габсбургов — Анна Австрийская!

— Как пожелаете, Ваше Великое Величество! — поклонился итальянец.

Арабелла покачнулась. У нее на лбу выступил холодный пот, в груди сдавило, не позволяя свободно дышать. Девушка лихорадочно схватилась за выступ стены, пытаясь устоять на дрожащих ногах. Честный монарх, достойный возлюбленный, сильный мужчина, не мог так подло поступить со своей фавориткой! Как бы то ни было, Арабелле не хотелось в это верить. Но эта суровая

реальность заставляла себя принять. Беспощадная судьба решила навсегда разлучить двух возлюбленных. Хотя, возможно, это была совсем не доля, а прихоть Людовика. Молодая женщина закрыла свое прекрасное лицо похолодевшими руками. Сейчас у мадемуазель де Фрейз не было сил даже на слезы и рыдания. Внутри царила лишь пустота, такая холодная, бесплодная, но в то же время и обдающая всепоглощающим огнем. Боль казалась бесконечной, не имеющей точки соприкосновением с разумом. Дочь герцога не решалась поднять глаза, поскольку весь мир, казалось, погряз в ненависти и страданиях, а стены сдавили со всех сторон.

Красавица дрожащей рукой открыла двери комнаты повелителя. Король, увидев любовницу, недовольно переглянулся со своим старшим советником: — Что она здесь делает? — буркнул августейший сын Марии Медичи: — Кто ее сюда впустил без моего разрешения?

— Я сейчас все узнаю. Не волнуйтесь, сир, — дворянин быстро подошел к Арабелле, готовый выставить ее за дверь, как простую крестьянку, но внезапно француженка покачнулась, и лишь благодаря сильным рукам Мучениго сумела устоять на подкашивающихся ногах: — Что с Вами?

Молодая женщина подняла свои пустые, покрасневшие глаза, и, оттолкнув итальянца,

подошла к столу короля: — Ты предал меня, — в голосе несчастной сквозила боль и сожаление.

Нахмурившись, Луи сделал вид, что не понимает, о чем говорит его фаворитка: — Что ты имеешь в виду? Как ты смеешь....

— Не отрицай. Я знаю, что испанская принцесса является твоей невестой, будущей женщиной. Но почему?.. Неужели я заслужила такое обращение? В чем я виновата? В том, что была верной и покорной дурочкой, выполнявшей все твои прихоти? В том, что ради твоих лживых обещаний оставила родной дом, мать, забыла свое прошлое? — Арабелла ощущала, как с каждой минутой ее глаза наполняются солеными каплями, а тело дрожит. Сейчас прекрасные уста девушки говорили обо всем, что было у нее на разбитом сердце. Но даже сотни правдивых речей и слов не могли поведать ту нестерпимую боль, что чувствовала брошенная женщина. Этот огонь, сжигавший француженку изнутри, превращался в бушующее пламя, и даже океан слез не мог его потушить, только месть могла побороть ужасное чувство — душевную боль и истязания суровой судьбы.

Грубый и громкий голос короля вывел девушку из грустных мыслей: — Ты кто такая, чтобы я перед тобой отчитывался?! Королевой, или моей женой себя возомнила?! Немедленно убирайся

и не смей больше мне такого устраивать! — повелитель кивнул Мучениго, чтобы тот вывел дерзкую любовницу. Но Арабелла де Фрейз стала кричать и вырываться:

— Убей меня! Казни! Делай, что хочешь! Ты и так погубил меня без палачей и без меча, еще тогда, когда первый раз обманул и предал! Даже самые ужасные удары кнута ничто, по сравнению с той раной, что у меня на сердце! Но ее никто, никогда не увидит, и не поймет, какие страдания может причинить, как кажется, самое прекрасное чувство на Земле. Знаешь, любовь сладка лишь на взгляд, но горька на вкус. Что молчишь?! Нечего сказать, король?! Или же ты понял, что натворил?!

Монарх так резко вскочили из-за стола, что хрустальный графин, наполненный ароматным, густым вином, с грохотом упал на ковер и разбился вдребезги. Людовик грозно подошел к своей фаворитке, и, схватив ее за руку, прошипел, словно дикий, разъяренный зверь: — Немедленно замолчи! Иначе...

— Иначе что? — высокомерно спросила очаровательная француженка.

Мужчина рывком достал из-за пояса кинжал с золотой рукоятью и приставил клинок к шее молодой женщины: — Иначе ты лишишься жизни, недостойная рабыня! Я убью тебя прямо здесь, на этом месте, чтобы избавить тебя, как ты сказала, от

любви, жившей в твоём сердце! — король пристально смотрел в глаза Арабелле, предугадывая, какое сейчас чувство бушует в её душе. Слезы капали с глаз девушки, но монарх, в край разгневанный, полоснул её клинком. Лезвие задело не шею шокированной француженки, а нижнюю часть левой щеки. Кровь, подобно кровавым цветам, распускалась на кинжале. Но Арабелла даже не воскликнула от боли, ибо эта рана — ничто, по сравнению с той, что кровоточит в душе.

Синьор Мучениго подбежал к Луи, и, схватив его за запястье, испуганно проговорил: — Не надо, Ваше Величество! Отпустите нож, прошу!

Монарх резко оттолкнул молодую женщину и ударил по лицу, да так сильно, что бедняжка упала на пол: — Уведи её! Пусть эта змея не попадается мне на глаза! — дворянин нежно поднял француженку и тихо, почти беззвучно прошептал:

— Ради всего святого, помолчите. Не спорьте с повелителем.

Дочь герцога дерзко выхватила свою руку у мужчины.

— Этот грех останется на твоей совести, король! — быстро присев в реверансе, Арабелле выбежала из покоев возлюбленного.

Девушка, оказавшись в коридоре, не стала сдерживать своих слез. Она, всхлипывая от плача,

лихорадочно обернулась к советнику владыки: — Почему Вы ничего мне не сказали? Вы же знали об этом! Как Вы могли такое от меня скрыть?!

— Мадемуазель, успокойтесь. Я не желал Вам зла. Просто я боялся, что, узнав об этой свадьбе, Вы решите помешать приезду инфанты, а это станет началом кровавой вражды между двумя династиями. Послушайте, я не хотел Вам этого говорить, но придется: этот брак является очень важным политическим ходом, союзом государств. Король не может из-за любви к простой девушке ослушаться приказа королевы-матери, пойти против всей Испании. Монархи никогда не женились по любви, и наш повелитель, сторонник законов и традиций, не нарушит это правило. Если Вы его правда так сильно любите, то смиритесь, иначе всем будет только хуже. Брак и любовь никогда не шли рядом под этой крышей. В эти дворцы приходили сотни любовниц предков Бурбонов, и каждая терпеливо ждала своего государя, молчала, корилась, получала то, что положено: имущество, почет и редкие ночи любви. Вступив на путь фаворитки, Вы с самого начала согласились с такими правилами, даже не подозревая об этом. Арабелла, Вы все еще наложница короля, так было и будет. Вы принадлежите ему, а он изредка будет принадлежать Вам.

Французенка, сглотнув слезы, ответила, гордо вскинув голову: — В том-то и дело, что я остаюсь лишь наложницей и не..., — девушка внезапно воскликнула от резкой боли. Свежая рана на щеке продолжала кровоточить.

— Миледи, у Вас глубокий порез. Нужно немедленно его обработать, — заметил дворянин, касаясь окровавленной щеки мадемуазель де Фрейз.

Сударыня, отойдя от синьора, внезапно прошипела злобным голосом: — Уберите руки! Не прикасайтесь ко мне! — молодая парижанка, захлебываясь слезами, побежала по коридору. Дворянин грустным взглядом провожал Арабеллу. Мужчина даже не пытался догнать любовницу своего повелителя, успокоить, дать дружеский совет, ибо отлично знал, что если женщина решила отомстить, то ей нельзя становиться на пути, поскольку она уничтожит любые препятствия, какими бы сложными они не были.

Девушка упала на колени и закричала, подводя глаза к потолку: — За что, Господи?! За что ты разлучил меня со смыслом моей жизни, с моим возлюбленным королем?! За что ввел в любовное заблуждение?! В чем я виновата перед Тобой?! За какие грехи я расплачиваюсь?! Помилуй, о, Всевышний, недостойную рабу свою, что поддалась грязному пороку! Не карай меня больше, ибо этот удар самый ужасный! Лед

заморозил мое сердце, а беспощадный огонь сжег душу! Это чувство, как стрела, вонзившееся в меня, не дает мне покоя. Почему он так поступил?! Почему заставил страдать?! Неужели это плата за мою любовь и верность? Скажите, о, Небеса, что важнее: любовь в нищете, или одиночество в роскоши? Мои глаза, что поглощали прекрасный облик возлюбленного, тонут в слезах, и в них, кроме щемящей пустоты, больше ничего нет. Почему так сурова доля?

Арабелла села в углу коридора и придвинула колени к подбородку, обхватив их дрожащими, окровавленными руками. Сейчас девушка уже не плакала, но это ощущение какой-то отстраненности от всего мира было самым ужасным. Казалось, она медленно тонула в океане боли и эти покрасневшие, холодные глаза никогда не увидят лучика солнца.

Послышались шаги.... На свете тусклых лампад показался неясный, темный силуэт Джесси. Молоденькая горничная с криком отшатнулась, увидев сидящую в полумраке мадемуазель де Фрейз. Свежая кровь стекала по щеке отвергнутой фаворитки, но француженка не обращала на это даже малейшего внимания. Камеристка, судорожно сжимая в руке свечку, подошла к своей сударыне, и, тихо опустившись на колени, положила ладонь на холодное запястье Арабеллы: — Что с Вами, миледи? — голос Джесси был таким же глухим и

бесцветным, как и голос дочери герцога.

Любовница короля, отвернувшись, простонала, да так тихо, что служанка едва смогла разобрать следующие слова: — Отведи меня в комнату....

— Мадам, откуда у Вас эта рана? Кто посмел такое Вам сделать?

— Ничего не смей спрашивать. Просто делай то, что я приказала, — в голосе девушки слышались повелительные нотки. Уже не в первый раз Джесси почувствовала себя лишь ничтожеством перед госпожой. Аккуратно подняв миледи, служанка повела ее по пустынным, устрашающим коридорам. Англичанка несколько раз спрашивала Арабеллу, в чем дело, что произошло, но парижанка молчала, не отводя потухшего взгляда от одной мертвой точки. Ясно было только то, что король все-таки нанес ужасный удар той, которую совсем недавно называл любимой, единственной розой в весеннем саду.

Наконец показались двери опочивальни мадемуазель де Фрейз. Горничная посадила Арабеллу на мягкую кровать, сняв с госпожи верхнее платье.

— Сударыня, скажите же, что случилось? Вы пугаете меня своим молчанием и отрешенностью.

— Случилось непоправимое, — равнодушно произнесла девушка.

Джесси со вздохом подошла к шкафу и взяла мазь из диких трав, искусно приготовленную деревенской лекаркой-цыганкой. Камеристка аккуратно нанесла жидкое, дурно-пахнущее лекарство на щеку Арабеллы. Француженка внезапно воскликнула. Эта боль вывела ее из шокового состояния. Только сейчас молодая красавица ощутила, как по подбородку капают алые, подобно бутонам розы, капли крови.

— Мадемуазель, — обратилась к фаворитке англичанка: — Ваша рана может опять начать кровоточить. Да и вряд ли, эта мазь даст желаемый эффект. Может быть, лучше позвать лекаря? Пусть осмотрит, правильно промоет, наложит швы.

— Нет, не нужно. Я не хочу, чтобы кто-то знал об этом... происшествии. По дворцу сплетни разносятся быстрее осеннего ветра. Ты обязана молчать. Поняла?

Арабелла произнесла эти слова решительно и твердо. Услышав здравую речь своей повелительницы, служанка слегка улыбнулась: — Чего-то еще желаете?

— Я устала. Помогите мне лечь спать, — приказала парижанка, поправляя складки кружевного пеньюара.

Синеглазая девушка, уложив Арабеллу в кровать, и затушив лампаду, тихо удалилась.

Когда дверь за горничной закрылась, молодая

женщина вновь зарыдала. При камеристке она не хотела показывать свою слабость, но сейчас француженка была одна, наедине со своими слезами и горем.

Джесси, убедившись, что мадемуазель уснула, решила все разведать у синьора Мучениго. Горничная знала, что такому искусному интригану, как главному советнику, известны все полыхающие страсти во дворце.

Служанка быстрым шагом шла по — темным коридорами. Везде царил полумрак, лишь возле синего салона, где находился кабинет министра и важных государственных сановников, горел небольшой факел. Его тусклое пламя переливалось оттенками алой крови и жаркого солнца. Горничная лихорадочно сжимала в дрожащей руке свечу. Ночью галереи казались страшными, непроглядными лабиринтами. Несмотря на всю отчаянную смелость, девушка воскликнула, увидевдвигающуюся тень около стены. Ходили слухи, что по ночам во дворец проникает мужчина, охотившийся на одну фрейлину, однажды запятнавшую его честь. Джесси передернуло, когда она вспомнила, что недавно в прачечной комнате была найдена убитая женщина, камеристка фрейлины мадам де Руа. Та рассказала, что несколько лет назад по воле старшего брата вышла замуж за жестокого и беспощадного графа, который

издевался над ней, кричал, унижал, даже избивал. Не выдержав насилия, мадам де Руа все-таки решила сбежать, с влюбленным в нее, конюхом. Вскоре беглецов нашли, парня убили, а женщине удалось скрыться во французском дворе. Но это не остановило разъяренного, оскорбленного мужчину и он стал мстить. Любой, кто попадался ему на пути, падал с перерезанным горлом.

Камеристка потушила свечу и прижалась всем телом к стене, надеясь, что ее не заметят. Но вместо тени показался четно-очерченный силуэт, явно принадлежавший мужчине: широкие плечи, овальное лицо, маленькая борода. Джесси закрыла рот рукой, тихо прошептала: «О, Святая Дева, защити меня». Мужчина приближался все ближе и ближе. Услышав на себе его дыхание, молодая женщина закричала. Но...то был только синьор Мучениго.

— Вы?! — не сдержала возглас англичанка.

— Что ты тут делаешь среди ночи? — грубо спросил дворянин.

— Ваше Сиятельство, извините, я не узнала Вас, — поспешно присела в реверансе камеристка.

— Почему в такое время ты сама бродишь по коридорам? Разве ты не слышала рассказов о беспощадном убийце, рыскающем здесь в поисках непокорной жены? Хочешь стать его жертвой? Да и кто сейчас с мадемуазель де Фрейз? Как ты посмела

оставить ее одну?

— Я шла к Вам, мой господин. Не волнуйтесь, разве я могла бросить миледи? С госпожой сейчас Фитнесса.

— Я слушаю, что тебе нужно?

— Синьор, последнее время мадемуазель Арабелла постоянно грустила, думала, что его величество изменил ей. Потом они встретились в саду. Выслушав несчастные речи сударыни, король попросил ее явиться к нему сегодня ночью, но потом пришел лакей и сказал, что сир передумал, и не желает видеть свою фаворитку. Это очень разгневало миледи. Она куда-то помчалась, скорее всего, в покои повелителя. Я пыталась ее остановить, но госпожа не послушала. Долгое время ее не было. Я разволновалась и отправилась на поиски. Мадемуазель сидела на полу в галереи, вся в слезах и крови..... Что с ней случилось? Неужели король все-таки нанес Арабелле такой ужасный, подлый удар? Да как он смеет играть чувствами невинной девушки? — Джесси говорила и говорила, уже не следя за своими опасными, предательскими словами. Горничная не имела права даже слова плохого сказать о своем государе, и если бы эти речи услышал кто-то другой, то тогда бы глупая голова полетела по ступеням эшафота.

Советник внимательно слушал свою собеседницу, но, когда Джесси закончила, мужчина

швырнул ее к стене и, обхватив руками ее горло, процедил сквозь зубы: — Ты кто такая, женщина, чтобы осуждать решение самого государя?! Ты не можешь о таком даже думать, бесчестная рабыня!

Испуганная горничная вся дрожала. На ее глазах появились слезы страха. Рука синьора сжимала ей горло с такой силой, что было тяжело дышать: — Я... я не виновата..., — голос служанки содрогался.

Внезапно Джесси и дворянин замолчали. Они смотрели друг на друга со странной страстью. Камеристка коснулась похолодевшими пальцами ладони Мучениго. Друг короля нагнулся над девушкой и их губы соединились в жгучем поцелуе. Джесси закрыла глаза. Сейчас ей казалось, что звезды падают с небес, а приятно — прохладный ветер обвивает все тело. Молодая женщина ощущала на себе его дыхание, его горячие губы и взгляд. Но это любовное оцепенение длилось лишь мгновение. Служанка, освободившись из внезапных объятий, побежала по коридору в свою комнату. Закрыв на щеколду дверь, англичанка, тяжело дыша, подошла к зеркалу. Сейчас она выглядела взволнованной и испуганной. Всегда бледные щеки пылали красным румянцем, в глазах горели задорные огоньки. Джесси не понимала, что с ней происходит: сердце бешено колыхалось, на лбу выступил холодный пот. Зачем синьор Мучениго

поцеловал ее? Что он тогда испытывал: легкое влечение, или истинное чувство? Горничная восхищалась главным советником при французском дворе уже давно, но сейчас она испытала нечто другое — любовь. Но, как она, обычная камеристка низкого происхождения, могла надеяться на внимание самого влиятельного интригана Парижа?

Сквозь сон девушка расслышала тихие стенания. Поднявшись с постели, Джесси вышла из своей комнаты и подошла к кровати госпожи. Арабелла, извиваясь в постели, тихо стонала. Склонившись над сударыней, служанка прошептала, пытаясь ее успокоить: — Тише, миледи, успокойтесь. Все хорошо.

Но молодая женщина продолжала бормотать невнятные речи. Из ее уст вырвались слова: — Людовик... любимый... не покидай меня...., — мадам с визгом проснулась. Тяжело дыша, она огляделась по сторонам: — Что со мной? Где я?

— Все в порядке. Вам приснился кошмар.

Арабелла откинулась на шелковые подушки. — Принеси мне воды.

Горничная, подав стакан, села рядом. Сделав несколько глотков, молодая любовница поставила чашку на хрустальный столик.

Взгляд девушки застыл, а лицо стало смертельно — бледным.

— Мадемуазель, Вам плохо. Я позову

лекаря, — поспешно решила англичанка.

Дочь герцога, ухватив служанку за руку, строго ответила: — Нет, не нужно звать врача. Мне просто приснился ужасный сон, — Арабелла, больше не сказав ни слова, встала с постели и направилась к двери.

— Куда Вы, леди? — испугалась горничная.

— Я прогуляюсь в саду.

— Но ведь сейчас ночь, — в недоумении проговорила Джесси.

— Ну и что? — Арабелла, настежь открыв двери, спустилась по лестнице. Идя по переходам дворца, она направилась в сад, отгороженный стеклянной дверцей. Открыв ставни, девушка вышла во внутренний дворик дамского поместья.

На улице «стояла» глубокая, непроглядная ночь. Огромная луна, подобно белому, сверкающему шару, заполняла своим лунным ликом все небо. В саду не было темно, даже не смотря на то, что нигде не горели факелы или лампы. Пожелтевшую листву кружил в вихре беспощадный, ледяной ветер. Ранняя осень казалась совсем не прекрасной, а суровой и холодной.

Арабелла жестом приказала Джесси, стоявшей на пороге, уйти.

— Но, мадам, Вы замерзните.

— Немедленно оставь меня саму! Вон отсюда! — закричала молодая женщина.

Поклонившись, камеристка недовольно ушла.

Дочь герцога, упав на мраморную лавку, подвела глаза к небу. Яркая звезда, подобно огненной стреле, скрылась за горизонтом. В это время из уст Арабеллы вырвались слова: — Я не успокоюсь, пока не отомщу тем, кто заставил меня страдать....

Рано утром, когда еще все спали, камеристка тихо вышивала в нише окна. Внезапно в дверях появилась личная служанка советника: — Джесси Хиггинз, Вас желает видеть его милость синьор Мучениго, — оповестила она.

Горничная, побледнев, подошла к девушке: — Меня? Что надо сэру-советнику?

— Мне неизвестно. Но Вы должны явиться к нему немедленно.

— Я не могу оставить мадемуазель де Фрейз саму. А Фитнесса ушла в порт к умирающему отцу, — запротестовала горничная.

— Не волнуйтесь. До Вашего возвращения я побуду с госпожой. Да и она пока спит.

Кивнув, англичанка взяла из сундука, сделанного из слоновой кости, вуаль и прикрыла ею волосы. По законам приличия, женщина, перед встречей с мужчиной, по положению выше нее, должна была прятать волосы под накидкой. Только замужние дамы, которым исполнилось свыше сорока лет, могли не накрывать головы.

Французский двор был огромным и состоял из нескольких замков. В одном из таких дворцов жили придворные дамы, фаворитки, фрейлины и служанки. Разумеется, у королевы было свое поместье, отделенное коридорами. В другом замке располагались советники, послы и все мужчины королевского двора. А владения короля были повсюду. Он также имел свой дворец, но чаще всего находился в мужском дворе. Чтобы попасть туда, нужно было переходить все поместье.

Каждый шаг Джесси был скованным и трусливым. В ее движениях присутствовала робость. Внутри все пылало. Это ощущение казалось девушке прекрасным, но и мерзким. В висках стучало, сердце вырывалось из груди, все тело дрожало, как листок на ветру. Служанка сейчас была в необыкновенном оцепенении, хотя и понимала, что ее возлюбленный Мучениго может покарать. Но даже смертный приговор из уст дворянина казался англичанке сладостным и незабываемым. Вихрь чувств одолевал спокойствие и уверенность. Как бы то ни было, горничная не могла забыть того страстного поцелуя, завораживающего, прекрасного, родного. Джесси внезапно поймала себя на мысли, что отдала бы все за одно такое прикосновение.

Глубоко погрузившись в свои мечты, камеристка не заметила, как пришла к кабинету

советника. Сейчас она должна была постучать и с поклоном войти в покои господина. Но место этого молоденькая девчонка, поддавшись любовному пороку, зашла в нишу стены и без стука появилась перед синьором. Он странно смотрел на новоприбывшую. Но в его строгом взгляде не было ни удивления, ни любви, ни гнева, только равнодушие.

— Джесси, — немного грубый голос Мучениго вывел горничную из раздумья.

— Ваше Сиятельство, простите, я задумалась, — склонилась в реверансе молодая служанка.

— Приветствую Вас, Джесси, — итальянец говорил спокойным тоном, так, как будто между ними ничего не произошло прошлой ночью.

— Синьор, Вы желали меня видеть.

Дворянин встал из-за стола, сделанного из красного дерева, и подошел к камеристке: — Юная леди, я хотел бы поговорить с Вами на очень важную тему, — лицо советника было так близко к Джесси, что молодая женщина закрыла глаза, представляя, как Мучениго заключает ее в объятия. Сейчас ей хотелось вновь ощутить то великолепное чувство.

— Джесси, лунное сияние, не мечтайте о том, чего никогда не будет.

Дрожь пробежала по всему телу англичанки.

Она застенчиво подняла свои серые глаза. — О чем Вы?

— Не делайте вид, что не понимаете, о чем я говорю, девушка. Тот поцелуй ничего не означал. Он был только порывом. Но Вы совершили очень большую ошибку. А за каждую ошибку нужно уметь платить. И за свою Вы тоже заплатите.

— Что... я должна делать? Вы убьете меня? — даже не страх, а некое удивление сразило сердце Джесси.

Синьор, усмехнувшись, взял горничную за руку и подвел к окну. Его прикосновение не было нежным, но камеристка мечтала, чтоб этот миг длился вечность.

— Видите? — спросил дворянин, показывая пальцем на берег реки Сены.

Джесси закричала. Мерзкое зрелище появилось у нее перед глазами....

Взгляд служанки был прикован к побережью, около которого двое сильных мужчин, одетых в одеяние жандармов, тащили по камням женщину. Из уст несчастной вырывались ужасные крики. Бедняжку подвели к реке и посадили на колени. Как бы она не вырывалась, двое незнакомцев накинули ей на шею шелковый шнурок и затянули его. Через несколько минут женщина была уже мертва. Ее бездыханное тело положили в мешок и кинули в холодные воды Сены.

Из уст камеристки вновь вырвался крик, но на этот раз он сдавленный и тихий. От увиденного кошмара у англичанки закружилась голова, потемнело в глазах. Пошатнувшись, она подняла взор на дворянина: — За что ее убили?

— Эта девушка была очень уважаемой особой, дочерью нормандского аристократа. Последние годы она жила при дворе, и была помолвлена с графом Бекенским. Однажды в коридоре служанка увидела ее в объятиях виконта Анжуйского, моего лучшего друга. Именно за это бедняжку казнили, задушив и утопив в воде.

— А что случилось с виконтом?

— Его отправили в ссылку в Милан. Отныне там он служит в поместье Ризоу.

— Зачем Вы позвали меня? — слезы брызнули из глаз Джесси.

— Я хотел, чтобы Вы посмотрели, как наказывают провинившихся дам.

Губы молодой женщины искривились в язвительной улыбке: — И Вы убьете меня так само, как только что это сделали бессердечные жандармы?

— Это сделаю не я, а король. И о Вашем позоре узнает вся Франция. Мне ничего не будет. Ведь я — главный советник нашего повелителя, я — мужчина, а Вы всего лишь жалкая женщина, — синьор провел рукой по щеке горничной.

Мучениго произнес эти слова угрожающе и злобно. От его слов, взгляда и прикосновения, девушка почувствовала страх. Опустив глаза, она подавленным голосом сказала: — Чего Вы от меня хотите?

— Джесси, мое лунное сияние, ты ведь знаешь, что тебя ждет: казнь, может ссылка, или замужество. Ты готова на это?

— Я сделаю все, что пожелаете. Только прошу, никому не говорите об этом позоре, — как бы то ни было, англичанка испугалась за свою жизнь.

— Так-то лучше, — дворянин сжал запястье Джесси с такой силой, что девушка воскликнула. — А теперь слушай меня внимательно, девочка. Мадемуазель Арабелла доверяет тебе целиком и полностью. Ты знаешь все ее тайны и секреты. Теперь ты будешь следить за каждым ее шагом и все докладывать мне.

Джесси оцепенела. В глазах у нее заблестели слезы: — За кого Вы меня принимаете: за предательницу или за шпионку? Я никогда не буду шпионить за своей госпожой!

— Джесси, если ты забыла, я не только верный друг миледи, но и подданный нашего короля. Сейчас она в ужасном состоянии и я боюсь, что она в гневе может совершить какую-то ошибку. Я хочу знать о каждом ее поступке, чтобы

предотвратить беду. Если ты не согласна, тогда тебя ожидает казнь.

Молодая женщина кротко кивнула, стараясь улыбнуться в знак согласия. Но в душе бушевала буря. Серые глаза стали пустыми и бездонными.

— Твоя улыбка, это знак согласия?

Джесси закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы: — Я не имею право противиться Вашим указаниям, мой господин.

Синьор, наклонившись к девушке, провел пальцами по ее щеке. — Но будьте осторожны. На каждом шагу Вас может подстерегать ловушки.

— Я все поняла. Не волнуйтесь. Я... буду преданна Вам до конца своих дней. Не сомневайтесь в моей верности Вам, сэръ.

Услышав желаемое, советник кивнул на дверь, приказывая служанке покинуть опочивальню. Быстро поклонившись, Джесси поспешно вышла. В глазах у нее «стояли» слезы, сердце неприятно колело. У горничной было ощущение, что как будто она должна предать целый мир. Теперь она оказалась между двумя огнями. Всю дорогу камеристка, опустив глаза, прижимала руки к груди....

ГЛАВА 7

Зайдя в комнату, англичанка увидела Арабеллу. Молодая женщина сидела за хрустальным столиком и расчесывала свои русые волосы, а ее лицо словно закаменело.

Страх сковал Джесси. Горничная склонилась в реверансе, пытаясь скрыть свое волнение. Фаворитка подошла к камеристке и осмотрела ее с ног до головы. От ее пристального взгляда по спине поддонной пробежал холодок.

— Где ты была? — голос отвергнутой любовницы прозвучал, как гром среди ясного дня.

— Мадемуазель.... я....

— Немедленно отвечай на мои вопросы! — закричала мадемуазель де Фрейз.

— Сударыня... я... в саду гуляла, — проговорила Джесси, постыдно опустив глаза.

— Не смей мне врать, девушка! Я вижу, что ты замышляешь недобрые дела! Говори! Я слушаю твои оправдания!

— Госпожа, о чем Вы? Вы сомневаетесь в моей верности?

— У меня есть на это достаточно доказательств, — язвительно ответила Арабелла.

— Мадемуазель, если Вы не верите в мою преданность, то слушайте: меня вызывал синьор Мучениго.

— И что он хотел?

— Сказал, чтобы... я ...следила за Вами. И

все докладывала ему. У меня не было другого выхода, и я согласилась. Но знайте, я до смерти верна только Вам.

Тяжело вздохнув, Арабелла подошла к столику и, положив золотой гребень, протянула: — Ты очень умная, Джесси. Но будь внимательна и предельно осторожна. Наши враги уже начали действовать. Пора и нам обороняться.

— О каких врагах Вы говорите, миледи?

— Возможно, Анна Австрийская уже узнала, что во дворце ее жениха живет некая фаворитка, в свое время имевшая власть над ним. Разумеется, моя влиятельная соперница уже начала предпринимать меры. И первым ее шагом была слежка за мной через Мучениго. А он, как тебе известно, слишком труслив, чтобы восстать или не послушаться инфанту рода Габсбургов. Теперь ясно одно, синьор предал меня и перешел на сторону испанки.

— Я так не думаю, миледи. Как Вы уже сказали, его милость чересчур боязлив. Он не посмеет устроить против Вас заговор. Ибо знает и чувствует Вашу силу и превосходство. Мне кажется, лучше не враждовать с ним. Не забывайте, что Мучениго является лучшим другом его величества и главным советником высокого поста. Дворянин знает все государственные дела. К тому же, недавно он вел переговоры с послами

испанского короля Филиппа III. Прошу заметить еще тот факт, что отец Анны является и португальским владыкой. Вы никогда не думали о том, чтобы стать правительницей французских земель? Теоретически, Вы имеете на это право. Ведь Ваш покойный отец герцог де Фрейз Рианский был господином Марселя, Леона и Берне. Вы же, как его законная дочь, вполне можете управлять теми городами, основать графства и стать хозяйкой тех поместий.

Арабеллу поразила остроумность горничной. Она знала толк в политических делах не хуже, чем сама мадемуазель. — Так-то оно так, но я ведь не являюсь герцогиней Рианской. Все мое наследство перешло к моему старшему брату Жоффруа Заморскому. А он, как тебе известно, супруг леди Мартинез де Хийронд, маркизы Воршуйской, самой влиятельной и богатой женщины в Западной Европе. Да и я не знаю, где он сейчас. Когда я была еще маленькой, и жила в Берне, то Жоффруа часто ко мне приезжал, дарил дорогие подарки, мы вместе гуляли по всей провинции. Я помню, как подолгу сидела у него на коленях, слушая его захватывающие истории. Но он относился ко мне, как к несчастной сироте, в его глазах была жалость. А я ненавидела это чувство. Я хотела быть для него сестрой, а не подопечной. Когда я стала взрослеть, наши отношения стали холодеть. Мой гордый

братец посмел указывать мне, грубить и порой даже поднимал на меня руку. Мы часто ссорились. Но после его ухода, моя приемная мать ругала меня, говоря, чтобы я беспрекословно подчинялась своему «родственному господину». Тогда я была капризной девчонкой.

По щекам молодой женщины текли слезы. Она, вздохнув, сказала: — После того случая я поняла, что даже люди, которых считаешь самыми близкими и родными, в любую минуту могут предать, изменить, причинить боль и страдания. Прошло уже слишком много лет. К сожалению, мой гордый братец уже и забыл меня, свою несчастную сестру, загнанную всеми силами в огонь. Сейчас я очень нуждаюсь в нем, но реальность не изменить, и не вернуть прошлое, чтоб прожить его по-новому со старыми знаниями.

Арабелла, смахнув с ресниц соленые капли, встала и подошла к резному сундуку, сделанному из слоновой кости. Открыв золотую крышку, девушка достала какой-то пергамент. Положив его за пояс, мадемуазель, подойдя к двери, сказала Джесси: — Идем со мной.

На лице горничной появилось недоумение и любопытство, но англичанка, промолчав, кивнула, и пошла вслед за своей хозяйкой. Арабелла де Фрейз быстрым шагом шла по коридору. Спустившись на первый этаж, девушка свернула на

переход мужского поместья.

— Мадемуазель, куда мы идем? К королю?

— Ничего не спрашивай, просто иди за мной.

Поклонившись, служанка покорно продолжила путь. Перед девушками показались двери кабинета синьора Мучениго. У порога стоял сам дворянин. Увидев молодых леди, на его лице появился испуг и недоумение. Возможно, он ожидал увидеть замученную, залитую слезами синьору Арабеллу. Но место этого жалкого зрелища, перед его взором появилась сильная, прекрасная леди. Как требуют правила приличия, советник учтиво поклонился и шагнул навстречу мадемуазель. Женщина, улыбнувшись, склонилась в низком реверансе и сказала: — Ваше Сиятельство, я приветствую Вас. Как Вы? Надеюсь, в добром здравии? — в голосе Арабеллы послышались фальшивые и эгоистические нотки. Заметив это, итальянец ответил:

— Мадемуазель, я думал, что после вчерашней ночи Вы и шагу не сделаете из своей комнаты. Но Вы улыбаетесь. Или Ваши слезы уже высохли, а боль прошла? Не годится, честной фаворитке с высокоподнятой головой, терпеть все удары судьбы... и короля. Не так ли, леди Джесси?

Молоденькая камеристка, вздрогнув, переглянулась с сударыней.

— Оставьте нас одних, — приказала девушка.